

*Писатели
малой родины*

ПИСАТЕЛИ МАЛОЙ РОДИНЫ

Сборник

Исилькуль, 2019

Писатели малой Родины: сборник. – Исилькуль: Центральная районная библиотека, 2019. – 92 с.

В 2019 году в очередной раз стартовал конкурс на литературную премию имени Михаила Степановича Шангина. Учредителями премии явились Администрация Исилькульского муниципального района и Омская областная общественная организация Союза писателей России. Цель премии - поддержка творчества авторов, продолжающих лучшие традиции отечественной литературы, рассказывающих о самобытности Омского региона, Сибирского края, России, а также увековечивание памяти М. С. Шангина, популяризация и изучение творчества писателей Омского Прииртышья.

Высокое звание Лауреата премии имени М. С. Шангина за весомый вклад в региональную литературу и культуру было присвоено прозаику Галине Ивановне Целищевой (Омск) и поэту Ивану Григорьевичу Лукьяненко (Исилькуль). Исилькульские прозаики Бородин Александр Константинович, автор книги «Лабиринты судьбы», и Дрыга Алексей Яковлевич, автор книги «Земля зовёт», разделили премию в номинации «Дипломант – «Самодельный автор». Композитор Василюк Валерий Васильевич, автор сборника песен «С добрым утром, мой район!», был удостоен награды в номинации «Дипломант – «Популяризация и изучение творчества авторов Омского Прииртышья».

Муниципальное жюри конкурса приняло решение работы всех самодельных авторов, принявших участие в конкурсе, опубликовать в сборнике «Писатели малой Родины». Сборник издается в связи с 95-летием Исилькульского района и 90-летием со дня рождения Михаила Степановича Шангина в рамках проекта «Сибирский Шолохов», поддержанного Фондом президентских грантов.

Дрыга Алексей

Дипломант премии имени М. С. Шангина в номинации «Самодельный автор» (2019 год)

Родился в 1930 году. 1948-1953 годы – учёба в Омском институте ветеринарной медицины. С 1953 года Алексей Яковлевич Дрыга работал в Тюменской области старшим ветврачом Гольшимановской МТС, директором межрайонной ветеринарной лаборатории, главным ветврачом района. В 1964 году стал инспектором-организатором Исилькульского Управления сельского хозяйства, затем работал главным ветврачом Полтавского района, начальником Исилькульского межрайонного племпредприятия, санитарным врачом Исилькульской СЭС. В период трудовой деятельности его статьи по специальным вопросам постоянно публиковались в районных газетах.

Повесть «Земля зовет» издана в 1998 году издательством Омского педуниверситета. В этом же году рассказы А. Я. Дрыги были опубликованы в сборнике исилькульских авторов «Огни Исилькуля». В 2009 году издан сборник рассказов «Как это было», в 2013 – «И так было». С 2015 года его проза ежегодно издается литературным журналом «Преодоление» объединения им. Якова Журавлева.

Главы из повести «Земля зовёт»

Глава 3. Своя лошадь

Перед базарным днем Андрею не спалось уже с полночи. Он несколько раз вставал, выходил на улицу и, убедившись, что еще не утро, снова заходил в землянку. Один раз даже прошел по улице к усадьбе Клавдия Зиновьевича и убедившись, что в его землянке еще не брезжит огонек, вернулся домой по пустынной заснеженной улочке. Успокоился, когда зашел в сарай, пошевелил в кормушках солому, данную на ночь, отбросил навоз из-под животных, которые спокойно лежали и сососкакивали только при его появлении и, оттопырив хвосты, как по команде, стали оправляться. Он добавил им немного соломки только затем, чтобы найти хоть какое-нибудь заделье.

Прокричал петух, и стало ясно - наступает утро. Андрей выпил кружку молока с ломтем коржа и пошел к Клавдию.

Проходя мимо одной землянки, он услышал, как кто-то крикнул:
- Мыкола, дэ дуга? Он понял - люди собираются на базар.

Пройдя к подворью Клавдия Зиновьевича, он увидел во дворе запряженную лошадь. На площадке дровней, на соломе, лежали веревка, узды и овчинный тулуп.

- Грошинята взяв? - спросил Клавдий Андрея.

- Да. И Андрею стало ясно, что Клавдий Зиновьевич поддерживает его намерение в покупке лошади.

Андрей едва сел на дровни, как лошаденка резво понесла со двора в сторону Полтавки.

Еще не рассвело, и морозное туманное утро не уступило дню, как они подъехали к базару. Здесь было шумно; все заезжали на торговую площадь и привязывали лошадей и волов к коновязи, а сами, не снимая тулупов, разминались, стряхивая иней с воротников, хлопали варежками, потирали щеки и носы. Живность на продажу - лошади и крупный рогатый скот - стояла, привязанная возле упряжек или за сани. Овцы, как правило, лежали на саях, связанные, а свиньи и птица сидели в клетках.

Покупателей на лошадей было немного - больше пиялили глаза. Продавцов тоже можно сосчитать по пальцам, но поток въезжающих на базар не уменьшался. Андрей бегло оценил обстановку по лошадям выбора не было. Прислушался, о чем толковали покупатели с продавцами. Продавалось три коровенки с накинутыми на спины лопатинами и подвязанным выменем, очевидно, чтобы не отморозить. Продавалось с десятков голов крупного рогатого скота разных возрастов, причем, больше было бычков. На одном из возов лежала дрожащая телочка, месяцев четырех-шести. Рядом, возле двух саней, стояло десятка два овец. Далее в ряду виднелись клетки со свиньями.

Андрей снова остановился возле лошадей. Спросил у одного мужчины с нахлобученной на глаза шапкой:

- Сколько просишь?

Жеребчик серенький, довольно жидковатый на вид, о таких отзываются, что на них дым возить, а не целину поднимать.

- Тридцать пять, - ответил хозяин.

Андрей помолчал, глядя на жеребчика.

- Будешь брат, уступлю, - наступал на него мужчина.

Андрей снова молчал.

Подъехали еще сани. Одна лошадь в оглоблях, другая - привязана сбоку. Обе гнедые, все в куржаке, видно не из близких.

- Продаете? - спросил, как бы между прочим, у слезшего с саней.

- Продаю, - любую из двух.

Андрей осмотрел, внешне - все в порядке. Запальных желобов, козинцев нет, копыта высокие, лошади с виду не старые, упитанность, правда, желает быть лучше, но кто знает, почему хозяин держит их в такой кондиции, может, ему невмочь обеспечить их кормами. Гнедки ведут себя живо, коренник позвякивает удилами, пристяжная пошевеливается рядом.

Андрей спросил стоимость.

- Сорок рублей - на выбор, - ответил мужчина и пояснил: - Они братья, одному семь лет, другому - четыре года.

Андрей подошел, пощупал пальцами передние ноги - на костников нет, задние - тоже в порядке. Взял левой рукой коренного за узду, а правую сунул сбоку в рот и, захватив язык, ловко вывалил его наружу, глядя в зубы, просчитал, начиная с трех до семи.

- Правильно, хозяин, вашему гнедку восьмой год, - то же проделал и со вторым гнедком, проговорив: - Четыре, пятый.

- А как же их зовут?

- Гнедками - старший и младший.

- «Таким гнедкам можно и имя дать», - подумал Андрей про себя.

- Плохо, наверное, в борозде ходят? - стал Андрей придумывать, к чему бы придаться.

Хозяин возразил и стал нахваливать своих гнедых, потирая озябшие руки и притопывая поочередно ногами, стараясь согреться.

Андрей прикинул и отдал предпочтение старшему, да он и чуть покрупнее, должен быть надежнее в работе, - думал он.

- Вот друг, - обратился Андрей к продавцу, - даю тебе тридцать пять за коренного, цена хорошая, да и коня хаять не хочу. Если желаете продать, то по рукам. И он подал руку хозяину. Тот медлил, мялся, как бы опешил.

- Лошади вон стоят в ряду, - продолжал Андрей, держа протянутую руку к хозяину гнедых, - а покупателей нет - время зимнее - не сезон, у приезжих нет кормов. Да и уступать надо, если

вы сорок запросили, то пятерочку надо бы скинуть, а мне вновь приехавшему, можно на нее что-нибудь купить для обзаведения хозяйством.

Продавец, помедлив, процедил дрожащими губами: - Ладно, Бог с ним, бери на здоровье, ковыряй степные ковыли да обживайся по-человечески. Лошадь стоящая, нигде не подведет, с любой работой справится.

Андрей понял, что этот человек не плут, и вынув из кармана деньги, взял пятерку, а остальные отдал продавцу и сказал:

- Считайте.

Мужчина пересчитал деньги и положил их в карман. Лошадь распрягли и еще раз обменялись рукопожатиями. Не успел Андрей развернуть гнедого, как его под уздцы взял Клавдий и повел привязывать к своему каурке.

- Вы из какой деревни? - спросил Андрей продавца.

- Из Соловьевки, - ответил тот.

- А как ваша фамилия?

- Кондратенко я, Иван Иванович.

- Если буду в ваших краях - забегу. Гора с горой не сходится, а человек с человеком всегда могут встретиться.

Андрей снова пожал руку высокому мужчине, помог ему запрячь лошадь в сани и попрощавшись, заторопился к своей повозке. Подойдя, он увидел гнедка, уже облаченного во вторую узду, привязанным к оглобле саней с захватом дуги у основания, кроме того, он был пристегнут одной вожжей к саням на случай, если оторвется.

Глядя на Клавдия, Андрей, чуть улыбаясь, довольно произнес: - Осталась еще пятерка.

- Иди, бери телочку, вон, на санях лежит, сколько ей трястись на холоде, - сказал Клавдий.

Андрей чувствовал себя на седьмом небе после первой покупки, поэтому быстро решил, что предложение дельное - надо же когда-то корову покупать или выращивать свою, и чем раньше - тем лучше. Да и покончить с последней пятеркой, чего ее носить в кармане, если нужна корова. Телочка будет постепенно расти, а пятерка останется прежней. Прирост она может дать только в телочке, а не в кармане.

Андрей подошел, присмотрелся - телочка как телочка. Светло-серой масти с седоватыми волосиками. Породу тоже не понять. Скорее всего - помесь симменталок с местным скотом.

Спросил у женщины лет пятидесяти пяти:

- Бабушка, сколько стоит телочка?

- Шесть рублей. Хорошая, от высокоудойной коровы, смиренная, послушная, - запричитала женщина.

- Дрожит она. Надо ее потереть жгутом или прикрыть накидкой, и Андрей, взяв пучок сена, скрутил из него жгут и взялся потихоньку растирать телушку по спине и ногам.

- Соски не приморозила ли она? - спросил он у хозяйки и прощупал их руками.

- Нет, нет, родной, бери.

Через пять минут такого массажа, телушка почти перестала играть мышцами.

- Вот видели, бабушка, всем лучше в движении: и я согрелся, и ей теплее.

- Такой заботливый хозяин подошел бы моей телочке.

- А как отдашь?

- Шесть рублей, - снова стояла на своем хозяйка.

- Отдают, бабуся, всегда дешевле, чем просят, уступают хоть рублевку-две на червонце, а так ведь и покупателя прозевать можно. За шесть рублей я куплю две овцематки суягных и к осени буду обладателем табуна овец, коли принесут по двойне каждая, да еще, гляди, до осени повторят. А телушка к осени еще не погуляет - долго еще молока ждать придется, да хорошо, если отел пройдет благополучно, а то у первотелок всякое бывает. Вы ведь, бабуся, лучше меня это знаете - не мне вас, старших, учить.

- Бери, сынок, не пожалеешь.

«Вот упрямая тетка», - подумал Андрей, - ничем не прошибешь. И он вытащил из кармана пять рублей, затем вывернул карман, показал деньги женщине и произнес: - Вот они все последние, а будь у меня червонец, отдал бы, не стал рядиться. Ну а если больше нет, то надо и вам быть поуступчивей.

Бабка заколебалась.

Андрей продолжал ее обрабатывать: - Если нет покупателей, гоже плохо, домой везти с базара - не интерес, да и цена ей все-таки пять рублей, а не шесть.

- Ладно, бери - мабуть, богач, прибудняешься.

- Бедный, бабушка, я пока, нет телочки, а вот если продашь, буду богатым, - шутил Андрей, передавая деньги ей в руки.

Бабка взялась отвязывать веревочку с шеи телочки.

- Бабушка, не положено отвязывать. Лошадь продается с уздой, корова или вол - с налыгой, а теленок - с веревочкой на шее. Ну, где вы видели, чтобы снимать? Не положено по правилам торговли, продается ведь на удачу, на счастье и радость людям, да и как же я поведу ее домой. Нет, бабушка, так не годится. Стоящие рядом, тоже почти с гневом наплыли на бабку. Та отступилась.

- Ну ладно, на удачу вам. Хай ростэ и маслом доится.

- Спасибо. Здоровья вам, бабушка, и долгих лет жизни.

Андрей взял телочку за ошейник, поднял с саней, и она пошла за ним, как за давнишним своим хозяином. Потом, сделав пару шагов, он остановился и спросил: - Бабуся! А как ее звать?

- Вишенка, - ответила бывшая хозяйка.

«Какая же она Вишенка, если светлой масти - подумал Андрей, - не пойдет, мы ее перекрестим, подберем другое имя».

Андрей снова натер жгутом телушку, стоящую возле саней. Она перестала дрожать и принялась охотно есть сено. Только теперь Андрей понял, что она недоедала. Потом он начал гладить гнедка, трепал по шее и холке, и у него мелькнула мысль назвать его Иртышом. Он даже обрадовался этой светлой, как ему казалось, мысли. Да он и похож на Иртыш - река тоже рыжеватая от глины и песка. Так что имя это ему подойдет по всем статьям.

«А что касается телушки, то предоставлю решать вопрос Наталье, пусть думает и дает имя. Может, меньше скучать будет, все отвлечет мысли от старого гнезда. Надо и ее вовлекать в новую жизнь, вызвать интерес к ней».

Вернулся Клавдий, и они стали собираться в обратный путь. Андрей окинул базарную площадь, она была огромна, на ней все шевелилось, гудело, он чувствовал, как бойко пошла торговля. Никто еще с базара не уезжал, но ему уже здесь нечего было делать. Для него торговля закончилась.

На обратном пути Андрей ничего вокруг не видел, кроме гнедка и телочки. Он даже не помнил, как выехали за село. Телочка первое время постоянно шевелилась, никак ни мирясь со своим положением связанной пленницы. Гнедко, нареченный Иртышом,

наоборот, спокойно бежал рядом с чужой лошадей. Он гляделся лучше ее, хотя та была поупитанней.

Андрей чувствовал себя в настоящий момент как человек, сбросивший с себя большой груз. Оно и действительно было так: теперь его уже не мучили мысли, что покупать - решительный шаг был сделан и, как он считал, дельный. Теперь он - владелец настоящей рабочей лошади - его мечты начинают осуществляться. «С таким помощником и целина не страшна, - думал он, сидя на саях.

- Складемся четверо одполошадников, скинемся на однолемешку и - полный вперед. Каждую неделю - десятина, а за месяц - всем по одной».

Одoleвали мысли о приобретении сбури, саней, телега, а глядя на телочку, он прикидывал, когда она будет коровой, как ее поправить, улучшив кормление болтушкой из овсяной муки, которую пока еще не заработал.

- О чем задумался, размечтался? - услышал он голос Клавдия, как бы угадавшего его мысли.

- В такой момент как не помечтать, - откровенно признался Андрей.

- Это верно.

- Думаю, Клавдий Зиновьевич, что доброго коня я купил.

- Коня проверим весной в борозде, а уж потом будем хвалить.

- А как телушка?

- Покажет себя, когда станет коровой, но думаю, что три крынки молока в сутки всегда даст, - для семьи достаточно, а больше и не надо. Маслоделие здесь не развито. Молочную продукцию некуда сбывать, а если так, то зачем производить.

Андрей молча что-то переваривал из сказанного Клавдием и, сидя на саях, слегка обняв телушку, любовался на своего гнедка.

Клавдий продолжал:

- Теперь ты, Андрей Акимович, самостоятельный хозяин. Можешь сесть на лошадь и съездить, куда надо или просто прогуляться, почувствовать себя человеком. Смелее будешь с мужиками разговаривать, чувствовать себя не последним, да и подрабатывать на нем можно.

Не заметили за разговорами, как подъехали к деревне. Свернули к землянке тетки Марьехи и въехали во двор.

Не успел Андрей развязать телушке ноги, как из землянки вышли Спиридон и Николай. Николай смотрел с восхищением на прибывших с базара, а Спиридон - с беззаботной усмешкой.

Николай быстро стал помогать Андрею.

- Отчаялся, друзья мои, не было больше сил терпеть. Носи бумажки в кармане, а того, что надо - нет. Дело сделал. Теперь на душе спокойно, все прояснилось. Смотрите товар, здорово не хайте, ошибиться всякий может.

Андрей, развязав телочку, повел ее в сарай. Подойдя к двери, она остановилась, уперлась и никак не желала переступить порог. Он ее слегка толкнул - не идет. Хлестнул концом веревочки, она заревела, уставившись в двери, и в это время раздался голос Натальи:

- Вот ревуныя.

Подняв голову, Андрей увидел Наталью, она весело глядела, слегка улыбаясь.

- Ревунья, - повторил Андрей Натальины слова. - Это ты, Наталка, дала ей такую кличку. Прекрасно - мне нравится.

Телушка снова дважды проревела, подтверждая правильность данной клички.

- Ны хочэ в сарай иты, мабуть, ны по двору вона нам, - сказала Наталья, не то с досадой, не то с шуткой.

- Уверяю, Наталка, шо ко двору, - возразил ей Андрей.

- А стики ж ий от роду?

- Шесть месяцев, - ответил Андрей и добавил: - По упитанности видно, шо хозяка кой-колы забувала ии кормить.

Андрей настойчиво потянул за веревочку, пройдя сам в сараюху. Телушка, проревев еще раз, робко пошла следом за Андреем. Привязали ее рядом с Волочком, который сразу стал принюхиваться к гостье. Телочка вздрагивала от страха, когда вол прикасался мордой к ней, и старалась держаться от него подальше. Андрей кинул ей небольшой клоч соломы и вышел во двор.

Николай со Спиридоном стояли возле гнедка и рассматривали его.

- Я уже дал ему кличку - Иртыш, - обратился Андрей к ним.

- А мне он нравится, - сказал Николай, похлопывая коня по шее и плечам, - сколько отдал, Андрюша?

- Тридцать пять.

Андрей отвязал Иртыша и, взяв за поводья, повел в сарай. Конь, опустив голову, смело шагнул вслед за хозяином, прогнув вниз холку, а затем и круп. Похоже было, что ему не впервой входить в низкий дверной проем и прогибаться, чтобы не задевать холкой и крупом верхнюю перекладину дверной коробки. Гнедко на новом месте чувствовал себя как дома, его ничто не удивляло, казалось все привычным, очевидно, за свои семь лет жизни побывал он не в одном сарае, возможно, работал в обозе, а обозные лошади привычны к любым помещениям, лишь бы укрыться от ветра.

Мужики зашли в землянку и уселись в передней. Николай завалился на солому возле плиты, Спиридон сел на чурбан, стоящий возле стола, а Андрей на табуретку и под впечатлением события долго вели разговор, как обустроиться на новом месте.

Глава 4. Новый знакомец

Теперь Андрей наступал на Спиридона с просьбой не затягивать до весны с приобретением лошади, ему, имея свою, хотелось обзавестись хотя бы одним, надежным напарником. Спиридон не решался, хитрил, все отнекивался, ссылаясь то на отсутствие денег, то кормов, то помещения для содержания, но к весне все-таки обещал взять.

Под впечатлением Андреевых покупок, Николай и Спиридон загорелись желанием побывать на базаре. Андрей не без гордости принял это предложение - ведь поездка предполагалась уже на его собственной лошади.

Дел у Андрея стало больше. Рано утром и поздно вечером управлялся со скотом. К тетки Марьехиной корове и волу добавились свои - лошадь и телочка. Весь световой день был занят на молотье.

В дому прибавился хлебный иждивенец - это Иртыш. Ежедневно Андрей давал ему семь с половиной фунтов овса - минимальная армейская норма для лошади, когда она не работает. Иртыш съедал в день хлеба в несколько раз больше, чем семья. Пудовка, которую он зарабатывал за день, съедалась Иртышом за пять дней. Андрей утешал себя лишь тем, что лошади не надо молотье овес - она сама имеет жернова, ей только подавай зерно.

Андрей думал, что может и прав Спиридон, что тянет до весны. Тяжеловато содержать ее, не имея своего посева, но он не жалел,

что купил, и был полон решимости выстоять остаток зимы. Приходилось даже подпращивать овсяную солому там, где работал, а вечером, натемную, возить ее, создавая запас. Кроме того, Ревунья ежедневно употребляла полтора-два фунта размолотой овсянки, отчего стала заметно поправляться.

Добавились заботы и о семенном зерне, хотя точно Андрей не знал, придется ли сеять весной, ибо это было возможным при условии, если тетка Марьеха уступит, как обещала, несколько десятин пахотной земли. Хотелось посеять хотя бы для прокорма семьи своим хлебом, а лошади - овсом.

Каждый раз Иртыш, как только Андрей открывал дверь и появлялся на пороге сараюшки, встречал его легким нежным ржанием, с поворотом головы в сторону дверей и вытягиванием шеи.

Забота и труд возле животных, приносили Андрею особенное удовлетворение, взбадривали дух и скрашивали быт. Подходил базарный день, забегал к Андрею Николай с радостью, - хозяин за два дня рассчитал деньгами, и теперь он может с четырьмя рублями ехать смело на базар и покупать по совету Андрея первое животное - овцематку. Андрею хотелось съездить на своей лошади и проверить Иртыша в упряжке, посмотреть весь базар и помочь Николаю в его благом деле.

В конце предбазарного дня гнедой был запряжен в чужую сбрую и дровни, чтобы утром не тревожить хозяина, и Андрей решил проехать по деревне и проведать друзей. Он чувствовал себя увереннее в эти минуты, хотя еще и не настоящим хозяином. Ехал рысцой, стоя на дровнях. Иртыш, хотя и не торопился бежать, но при пошевеливании вожжой, прибавлял в резвости и гляделся довольно неплохо.

Теперь у него была мысль не столько предупредить друзей о поездке, сколько поговорить со Спиридоном, как приобрести сбрую, если нет денег. Он перебирал в голове все варианты: может, у кого-то лишний комплект есть, может, старенькая кому не нужна, а может, у кого-то лошадь выросла из сбруи. Все это, по его мнению, должен знать Спиридон, поскольку он занимается ремонтом. С такими мыслями Андрей подъехал к землянке, где жил Николай. Привязал Иртыша у ворот за повод и для надежности еще вожжами - не сбежал бы с первого выезда, кто знает, что у него в голове. «Не гляди, что тихий да смирный, -

думал он, - такие иногда лучше знают, что им делать и куда бежать, зубами умеют развязывать поводья и дорогу хорошо запоминают».

Николай оказался во дворе, он только что пришел с молотьбы и, увидев Андрея, стоял, поджидая его, опершись на черенок вил, с усталым видом, но в хорошем настроении. После приветствия Андрей спросил:

- Ну как, не передумал завтра съездить на базар?
 - Наоборот, жду с нетерпением.
 - Тогда подбегайте утром, чуть свет, а я до Спиридона добегу.
- Спиридон, как и в прошлый выходной, работал.
- Проходи, Андрей Акимович, садись, кажи, шо є новэ.
 - Не забыл, что завтра едем на базар?
 - Такое разве можно забыть, я ж еще и базара не видел.

Спиридон дострочил постромку, резко бросил ее на пол и, повернувшись к Андрею, стал жаловаться на короткий день, отсутствие надежного света вечером, мечтал о хорошей лампе, которых и в деревне нет ни одной.

Андрей упрекнул его в излишних мечтах о несбыточном, а заодно и себя в том, что иногда размечтается так, что после даже самому стыдно бывает.

Наконец, он перешел к главному и спросил, где приобрести сбрую и сани, как это сделать, и просил помочь. А что касается лампы, то хватит и дня для работы, скоро он прибавится, и работай хоть до двенадцати часов. Лошадей бы им в кредит, плуги, бороны, телеги, сбрую и другой инвентарь - вот бы загудела степь целинная, а то выкопали четыре колодца на деревню - и обживайся. Жизни иным не хватит поднять свой отруб. Кто приехал с деньжонками, тот немного обжился, а у кого их не было, до сих пор не может прочно стать на ноги.

Андрей опомнился, понял, что разговор ведет с лишними эмоциями, и прямо спросил у Спиридона:

- Так ты мне скажи, как насчет сбруи и саней?
- Сани сделаем сами вдвоем за один день, а вот сбрую надо подумать, присмотреть. Я даже не знаю, сколько она стоит, завтра на базаре все выясним.

- А с чего сани делать? Если у меня нет ни одной палки во дворе.

Надо узнать, кто их здесь делает, и все выяснить. Думаю, что дровни стоят не более двух рублей. Может, лесу за Полтавкой по

Борисовской дороге можно срубить, а сделаем сами. Завтра, если овец не купим, сразу проедем - возьмите пилу и топор, и этой заботы не будет.

- Дело ты говоришь, Спиридон Иванович, но можно ли рубить тот лес?

- На дровни можно, - утвердительно сказал Спиридон и добавил: - Может, здесь и лесной-то охраны еще нет.

- Должна быть. Нельзя без нее. За два-три года изведут все леса.

- Если есть охрана - спросим, не даст, так сами срубим. Надо же обживаться.

Андрей вышел. Темнело. Двое мальчуганов лет десяти вертелись возле гнедого и рассматривали его.

- Вот бы летом верхом на этом коне, та прямо в озеро заехать, та вместе искупаться, - с азартом говорил дрожащими от холода губами гот, что повыше меньшому, то и дело втягивающему носом в себя две жидкие капли, которые тут же сползли вниз, почти доставая верхней губы. Он серьезно слушал старшего, пристукивая зубами; стоя в нахлобученной на глаза шапке-ушанке, в длинном самотканном сиряке, принадлежащем не ему, а кому-то из старших, и в не по размеру больших, чуть ли не отцовских валенках.

- А може, вин и зовсим ны умие плавать, - перевернул разговор старший.

Андрею было лестно, что его гнедым любят дети, и он готов был поговорить с ними о своей лошади.

- Здравуйте, ребята, - произнес он ласково.

Мальчуганы ответили.

- Ну как лошадка, нравится вам?

- Хорошая, почти хором ответили мальчики.

- Петька говорит, что она не умеет плавать, - произнес меньшей.

- Умеет, хлопчики. Все кони умеют плавать от роду, - брось в воду, и она выплывет.

- Хоть жеребенка?

- Конечно, и жеребенок умеет плавать.

- А откуда, дядя, вы все знаете про лошадей?

- Всего я не знаю, но кой-чему научился на службе в армии, да и прожил уже тридцать один год. Слышу кой-што от людей, как и вы от меня.

- Дядя, вы в кавалерии служили? С шашкой в руках?

Андрей усмехнулся.

- Нет, хлопчики, я служил в разных родах войск - подбирали лошадей и лечил их.

Мальчуганы слушали как завороженные.

Андрей отвязал гнедого и стал садиться в сани, медленно отворачивая от двора.

- Дяденька, а прокатиться с вами можно? - неуверенно спросил старший, как бы не надеясь на положительное решение.

- Садитесь.

Мальчуганы стрелой попадали в сани, и Андрей на быстрых рысях, стараясь убедить, что лошадь хорошая, повез по улице. Довея до конца улицы, он, остановившись, спросил:

- Где живете, ребята?

Мальчуганы показали в ту сторону, откуда и приехали.

- Хорошие вы ребята, прокачу вас еще и до дома. И Андрей, развернувшись, повез их в обратную сторону, до конца улицы, прибавив еще больше скорости.

Остановившись, он сказал:

- Приехали, хлопцы. Ну как она, моя коняка?

- Дуже добра, дядя, - ответил меньшей.

- А еще покатаете когда-нибудь? - спросил тот, что повыше.

- Обязательно покатаю.

- А чии вы, хлопцы?

- Я - Мороз, а он - Гречный, - ответил высокий.

Дети слезли с саней и радостные, не чуя под собой ног, бегом побежали к землянкам.

Утром, к Андрею пришли Николай и Спиридон. Дружно запрягли Иртыша и, завалившись на сани, не торопясь, выехали в сторону Полтавки. В пути редко перебрасывались словечками на отвлеченные темы. Уже рассвело, когда въехали на базарную площадь. Было многолюдно. Погода стояла не по-зимнему теплая, приятно было бродить среди люду, расслабиться от своих забот и дум.

Пожалуй, впервые после приезда, Андрей почувствовал себя вне напряжения, не торопился. Его не отягощали никакие заботы. Он знал, что ему здесь делать нечего, разве только посмотреть на людей да узнать цены. Помочь Николаю купить овцематку он не считал проблемой.

Иртыша привязали у коновязи в ряду с другими подводами и стали втроем обходить ряды, где продавалась живность. Скота было мало, но подводы постоянно подъезжали. Спиридон, взявший на себя инициативу поводыря, начал осмотр с лошадей. Андрей с Николаем следовали за ним и выглядывали из-за его спины. Николай толкнул локтем Андрея, улыбнулся, кивнув в сторону Спиридона, намекая на его интерес к лошадям и ценам на них.

Овец пока не было видно. Николай уже начал переживать, сетуя на неудачу. Андрей, наоборот, утешал его и уверял, что еще привезут, а если пет, то будет и еще базар, и они все равно купят.

Не успели договорить, как подъехали сани-розвальни, запряженные двумя небольшими лошаденками местной казахской породы, одна из которых была в оглоблях, другая - в пристяжке. На санях сидел казах крупного роста, лет пятидесяти, со светлой клинообразной бородкой и свисающими на казахский манер усами. Одет он был в длинное стеганое пальто, подвязан широким кожаным ремнем с нашивками, на которых висело несколько монет. На голове меховая шапка-малахай, на ногах сапоги с длинными, расширенными сверху голенищами, из которых выглядывала кошма, поверх сапог надеты галоши.

Несмотря на свою грузность, он ловко слез с саней и стал разглаживать руками бороду и усы, срывая маленькие сосульки.

На широких санях лежало шесть связанных овец.

Все три покупателя подошли и стали рассматривать, как бы, между прочим, живой товар. Андрей провел рукой у нескольких овец по спине, маклакам и седалищным буграм и покачал головой, глядя на хозяина, чем давая понять, что товар худой.

Хозяин понял это и стал объяснять, руками и ногами делая движения, объясняющие, что животные не кормились, тебеневались.

Андрей, кивком головы поддакнул хозяину, давая понять не только, что он понял, но и согласен с ним в невозможности иметь хорошую упитанность на тебеневке.

- Баранчук жек? - обратился он к хозяину.

Продавец, добродушно улыбнувшись, возразил:

- Э... баранчук бар, бар.

Андрей пощупал руками овцематку через живот с двух сторон и сказал: - Бар, бар.

Танский и Опрышко молча стояли рядом и с интересом наблюдали за разговором.

- Сколько стоит одна овца? - спросил Андрей у продавца. Тот недоуменно смотрел на покупателя и никак не мог его понять, только улыбался. Андрей показал на одну овцематку и, подняв один палец, произнес слово рубль. Продавец просиял, снова улыбнувшись и показав три пальца, произнес слово - ошу! Покупателям стало ясно, что каждая овца стоит три рубля.

Андрей показал два пальца и сказал: - Экю.

Хозяин недовольно замахал руками, почти обидевшись, что - то бормоча по-своему.

Андрей обратился к Спиридону с Николаем:

- Сколько возьмем - две, три или больше?

Товарищи молчали, что - то осмысливая.

- Сколько Спиридон займешь Николаю? Не брать же нам одну овцу. У Николая всего четыре рубля. А может, себе пару возьмешь? За пять рублей, я у него пару сторгую. Занимай Николаю рублевку, отдаст когда-нибудь, заработал ведь уже два рубля.

- Дам рублевку. Пусть берет, - утвердительно произнес Спиридон и, подумав, добавил:

- Мабуть, и я возьму пару.

Андрей поддержал его намерение, и подойдя к хозяину, показывая на себя произнес: - Андрей, - ему хотелось познакомиться с этим добродушным степняком.

- Андрей, Андрей, - повторил казах, поняв о чем идет речь и подав Андрею руку, назвался Асланом.

Андрей крепко пожал руку нового знакомого.

- Я в Ольгино живу, прикладывая руку к своей груди, говорил Андрей, стараясь, чтобы Аспан понял, о чем идет речь.

-А... Ольгино... Чапыш...

- Да, да, - обрадовался Андрей тому, что собеседник понял, где он живет. - А ты какой аул? Сагасай, Манасай, Кирибай?

Аспан расхохотался, довольный, что понял, о чем идет речь.

- Моя Бастамар, потом шатал Карой.

- Ясно, ясно, - ответил Андрей и, показывая на двух овец, произнес: - Бес рубль, - и вдобавок показал пять пальцев.

Продавец понял, сколько ему дается за двух овец и пока был в нерешительности, боясь продешевить.

Давайте деньги, - обратился Андрей к своим сподвижникам. Николай вытащил четыре рубля и подал Андрею. Спиридон с ловкостью циркача кинул ему на ладонь еще один рубль. Андрей показал их продавцу, держа на ладони левой руки, а правую подставил ему для хлопка. Аспан с силой хлопнул ладонью правой руки по Андреевой, и торги состоялись.

Выбирай двух, - обратился он к растерявшемуся Николаю, стоящему в нерешительности. - Развязывайте, будем смотреть стоя. Да смотрите, как связаны, а то потом убегут из саней. Одевай Коля на шею свои ошейники с веревочками.

Подняли двух овцематок, поставили. Андрей покачал ладонью в правый бок одной и другой и сказал: - Кажись, котна.

Аспан потыкал в живот с двух сторон торцами ладоней одновременно и клацнув языком, произнес: - Баранчук бар.

Спиридон стоял, думая.

Андрей это заметил, но ему было непонятно, то ли он хочет купить овец, то ли ему понравился продавец, а может, просто хотелось порядиться.

Бери, Спиридон, тоже пару, коли деньги останутся на лошадь. Ведь надо же начинать разводить животных. Да и где ты еще найдешь такую дешевизну - везде овцы по три рубля за голову. Хоть носки, рукавицы будет с чего связать, а если, даст Бог, поведутся, так и валенки скатать можно. И хозяин не скупится - уступает, далеко приехал, назад везти не хочет.

- Не знаю, сколько взять. Две не маловато ли? А может, для начала и хватит?

- Смотри сам, тебе видней.

- Ладно, начнем с двух.

Спиридон вытащил из кармана пять рублей, положил на ладонь правой руки и подошел к Аспану. Ему захотелось самому пообщаться с этим человеком. Новый знакомец ему чем-то понравился и вызвал интерес. Он показал пятерку в правой руке, взял его правую руку в свою левую и хлопнул правой с зажатой пятеркой, оставив ее на ладони продавца. Аспан довольнехонько заулыбался, положил деньги в карман и похлопал Спиридона по плечу. Очевидно, этот здоровяк с улыбающимися веселыми глазами, быстрыми движениями тоже понравился ему.

Аспану захотелось с ним познакомиться. Он приложил руку к своей груди и произнес свое имя, потом указал на Андрея, назвав его имя.

Спиридон заулыбался и произнес громко по слогам: - Спи-ри-дон.

Аспан несколько раз повторил, стараясь запомнить и произнося с каждым разом все четче. Потом он указал на Опрышку. Спиридон назвал Николая.

Новый знакомец несколько раз произнес слово Николай. Потом по порядку, произнес несколько раз: - Андрей, Спиридон, Николай, - и довольный, расхохотался снова, обмениваясь со Спиридоном рукопожатиями.

Тем временем, Андрей с Николаем, подобрали еще двух овцematок для Спиридона, который на них и не поглядел, полностью доверился товарищам и велел переложить на свои сани, не развязывая.

Андрей со Спиридоном оставили Николая сидеть возле лошади, а сами пошли по базару. Продавалось и покупалось все, что производилось и было необходимо в крестьянском хозяйстве: зерно, мука, мясо, сало, шерсть, шкуры, кое-что из одежки и обуви, а также инвентарь и упряжь. Они узнавали цены на все то, что потребуется в ближайшее время. Комплект упряжи стоил до десяти рублей в зависимости от качества. Пшеница продавалась до восьмидесяти копеек за пуд, фуражное зерно - чуть дешевле.

В одном ряду стояло несколько одноконных подвод, груженных мешками с пшеницей, один из которых был развязан. Бойкий мужичок брал из мешка в руку пшеницу, поднимал ее вверх над мешком и, снова высыпая, горланил:

- Ну, кому семенной пшеницы, берите, семенная, привезенная с Исиль-Кульской станции, сорт Карзинка, цена по рублю двадцать за пуд, ну, кому семенной...

Андрей подошел, посмотрел зерно, пощупал руками. Оно действительно, показалось ему крупным и с более блестящей оболочкой.

Продавец снова загорланил:

- Покупайте семенное зерно, в каждом мешке по пять пудов, мешок стоит шесть рублей, одним мешком засеете десятину и получите хороший урожай. Ну, кому семенной пшеницы - Карзинки.

Андрей постоял минут десять возле продавца и убедился, что покупатели есть. Кроме того, ему нравился этот горластый продавец и хотелось прослушать до конца его похвальные песни. Мелькнула мысль приобрести пару мешков семенной, и он насмелился спросить у продавца:

- А как бы в рассрочку - в кредит взять хотя бы пару мешочков?

- Не знаю, не велено, уговора не было, мое дело - продать и отчитаться. Где вас потом искать, - проговорил почти шепотом горлан и снова начал реветь во все горло, предлагая семенную, урожайную.

Когда продавец стих, Андрей снова спросил у него:

- А ты часто продаешь здесь? Вот заработаю денег и куплю.

- Не знаю. Мое дело - везти, куда хозяин пошлет, об этом у меня голова не болит, бываем во многих местах, и везде берут нарасхват.

В это самое время подошел здоровенный мужчина и, не раздумывая, подал двенадцать рублей. Сразу схватил в обхват первый мешок с какой-то жадностью и, подняв перед собой, понес на свои сани, стоящие шагах в десяти, потом поступил так же и со вторым мешком.

Андрея взяло любопытство. Ему хотелось спросить у покупателя, действительно ли это ценный сорт, как нахваливает продавец. Он подошел к покупателю, стоящему возле своих саней и спросил:

- Скажите, в самом деле, эта пшеница семенная и высокоурожайная?

- Все правильно вин каже, - без дружелюбности ответил незнакомец. И добавил: - Быры, ны пожалиись. Ось тут рядом, ии вывив Карзин.

- А вы из какой деревни?

- Я из Ольгины, - резко ответил мужчина и, быстро сев на сани, тронулся.

«Не охочь до разговоров, - подумал Андрей, - но если Ольгинский, так со временем увидим и узнаем, кто такой».

Не успел Андрей подойти к своей подводе, как Николай засыпал его упреками: - Ничего, вы со Спиридоном бродите уже, наверное, больше часа. А я - сиди здесь, тоскуй и мерзни с баранами, и базара не посмотрю, - то ли шутя, то ли всерьез напустился Николай.

- А ты не сиди, а бегай, чтобы не мерзнуть - это, во-первых. А вторых, - бараны твои, их тебе и караулить. В-третьих, нам сегодня некуда торопиться. Иди, гуляй хоть час.

Николай несколько опешил, растерялся. Он понял, что зря упрекнул, погорячился.

- Я пошутил, Андрюша, прости, не обижайся.

- Вот это - другой разговор. Вон и Спиридон идет - кожу тащит, подождем его прихода и обсудим все, не торопясь, надо основательно ко всему приглядеться, ведь интересное же дело - торговля. Иди, помоги ему притащить.

Николай, чувствуя свою вину, почти бегом побежал навстречу Спиридону и, схватив кожу, помог дотащить.

- Купил пару кож конских, по полтиннику за штуку, - раскрасневшись, докладывал Спиридон. - Надо же сбруйку сделать на твоего гнедого, хоть на базар будем ездить независимо от чужой.

- Молодец, Спиридон Иванович, - сказал Андрей, называя его по имени-отчеству в знак одобрения. - Что хорошо, то хорошо. Это дело.

- Завтра же завалю в квасны для выделки, и к весне будет своя сбруя.

Базарники были очень довольны посещением рынка. Андрей был рад за своих товарищей, что они тоже обзавелись живностью, а значит, и крестьянскими заботами и радостями. Николай чувствовал себя хозяином или, как он выразился, нажил себе заботы с рублевым долгом. На Спиридона произвело хорошее впечатление увиденное.

Выехав за село, Андрей шевельнул вожжами и гнедой набрал скорость. Дул западный ветерок, почти незаметно несло поземку, а сидящие в санях глубже прятались в свои воротники.

Бородин Александр

Дипломант премии имени М. С. Шангина в номинации «Самодельный автор» (2019 год)

Александр Константинович Бородин родился в 1943 году в Северо-Восточном Китае. Кандидат медицинских наук. Член Союза журналистов СССР. После окончания средней школы, до призыва в армию работал штатным корреспондентом межрайонной газеты в Кустанайской области. В армии, в медицинском институте активно сотрудничал в газетах («Молодой сибиряк», «Омская правда», «Медицинская газета» и др.). Позже рассказы публиковались в г. «Ленинец» (Щербакуль), «Знамя» (Исилькуль), в сборниках «Огни Исилькуля», «Искусство милосердия», «Литературная палитра». Вышли в свет авторские книги «Пришелец из космоса» (1999), «Лабиринты судеб» (2016). Подготовлена к печати книга «Наши доктор» (2019)

Рассказы из книги «Лабиринты судеб»

Пироги

Мать заняла у соседей муки и напекла пирогов с капустой. Вытащила из русской печи железный лист с пирогами, гусиным перышком помазала их зарумянившиеся бока сливочным маслом, отчего пироги стали ещё красивее, и поставила остывать.

Я уже с нетерпением ждал лакомства, и мать со словами: «Осторожно, не обожгись», подала мне самый румяный и большой пирог.

- Погуляй с часок, - сказала она. - Пироги остынут, и отнесешь их отцу. Согласно кивнув головой, я выбежал на улицу. Осторожно откусил край пирога, подул внутрь его и, ощутив запах капусты, затаился. Нет, сразу есть было нельзя. Надо постепенно, чтобы дольше сохранился. Я перекладывал пирог с руки на руку, заглядывал внутрь его и больше любовался, чем ел.

Соседский мальчик Витька, словно по запаху, примчался, придерживая спадавшие штаны.

- Дай! - сказал он.

Я покачал головой. Витька переступил с ноги на ногу, поправил задравшуюся штанину и, не спуская глаз с пирога, обозвал меня:

- Жадина.

Ладно, подумал я. Дам ему немножко. Он, наверное, тоже ничего не ел.

- Только не обзывайся, - сказал я ему и отломил кусок пирога.

- Ох ты, вкусный какой! - воскликнул Витька. - Из крупчатки?

Я точно не знал, из какой муки мать пекла пироги, но Витьке объяснил (он был младше меня на два месяца), что мать заняла муку у соседей, а им выделили откуда-то, потому что у них большая семья и много детей.

Витька быстро съел пирог, несколько раз проглотил слюну и спросил:

- Ещё есть?

- Есть, - сказал я. - Только их надо отцу отнести, он не обедал. Мама сказала, когда остынут, я их отнесу.

- А мы один только, - жалобно попросил он. Я решил спросить у матери, но её не оказалось в доме. Постоял возле пирогов, подумал и смело взял ещё один.

- Бери больше! - крикнул Витька.

Я обернулся и увидел больную Наденьку со своей младшей сестренкой. Будь в доме мать, она сама бы угостила их, потому что всегда кормила и жалела этих девочек. Они воспитывались у бабушки, так как их родители погибли на фронте.

Пока я стоял возле пирогов, Наденька с сестренкой подошли и встали рядом. Мы долго молча смотрели на пироги, а затем почти одновременно протянули за ними руки.

Устроившись рядком на валявшейся в ограде оглобле, мы ели пироги. Был жаркий июльский день, и взрослые почти все находились на сенокосе.

Наступила пора обеда. Я должен был нести обед отцу. Едва только успел переступить порог дома, как мать строго сказала:

- И какой же ты бессовестный, Саша! Все пироги съел сам, даже отцу не оставил попробовать. И куда только в тебя всё влезло!

- Я не сам...

Но мать перебила:

- Вот сумка, носи её к отцу. Он уже ждёт, наверное.

Из рук матери я взял холщовую сумку и ощутил, что она пуста. С волнением открыл, заглянул внутрь, сумка действительно была пуста.

- Не понесу, - заплакал я. - В ней ничего нет.

- Вот и объяснишь отцу, что принёс, мол, пироги, кушай папа, на здоровье, да работай покрепче.

Я шёл по извилистой тропинке среди белых ромашек и горько плакал. Почему так сказала мать? Ведь она всегда была добрая, понимала, выслушивала. И как я теперь объясню все это отцу? Он, конечно, устал и ждёт обеда. Мне хотелось вернуться домой, взять ломоть хлеба, налить в бутылку чая, можно было сорвать с грядки огурец, лук, но послушаться матери было нельзя. Приду и расскажу, отец простит. Потом вернусь к матери и попрошу для отца что-нибудь покушать.

Я понемногу успокоился и вышел на луг. Сметанный стог сена стоял недалеко от березового колка. Чуть подальше по полю рассыпались небольшие копейки, а в центре луга, широко взмахивая косами, друг за другом шли пять косарей, среди них был мой отец.

Я подошёл к нему и опустил на свежескошенный валок луговой травы.

- Обед пришёл! - весело воскликнул отец. - Показывай, что там у нас, - протянул он за сумкой руку. - Мы сегодня хорошо потрудились, устали, и аппетит разыгрался волчий.

Я медлил и не отдавал сумку. Слова прощения прилипли в пересохшем горле, и не то, чтобы говорить, дышать даже было трудно.

- Смотрю я на тебя, сынок, что-то вид у тебя плохой. Не заболел ли?

- Нет, - едва слышно выдавил я. - Не заболел. Я съел твой обед, папа.

Захлебываясь от плача, я передал отцу пустую сумку. Слёзы обиды за свой нехороший поступок, за то, что мать не захотела меня выслушать, за то, что отец остался без обеда, давили мое сердце. Они катились по щекам тёплые, крупные, а я рассказывал отцу, как все случилось.

- Ну, вот что, - выслушав меня, сказал отец. - Ты рассказал правду, а это бывает трудно сделать. И поступок твой одобряю только

наполовину. Все же надо было спросить мать. Так что успокойся, вытри слёзы и иди играть.

Но играть я не пошёл. Мне вдруг захотелось помочь отцу и тем косарям, которые в полуденный зной шли по лугу, тяжело взмахивая косами.

- Можно я попробую, папа? - спросил я.

- Попробуй, да только не порежься, ответил он.

Я взял косу, по-отцовски широко расставил ноги, но поднять её не смог. Зато воображение рисовало, что иду я по лугу, оставляя за собой валок свежескошенной травы...

Плетень

16-й разъезд был небольшим старинным русским селом в две с половиной улицы и кривыми переулками. С западной стороны поселка проходила мощная железнодорожная магистраль (КВЖД), с восточной огибала река Аргунь. В километре на север, среди песчаных барханов, поросших хвойным лесом, было живописнейшее озеро. Аргунь соединялась с озером несколькими протоками, где били ключи с родниковой водой и водилось множество разнообразной рыбы - сазан, таймень, щука, карась, сом, налим, окунь, чебак, ерш, гальян, красноперка - из которой сельчане готовили пироги, котлеты, пельмени, уху, а также коптили, жарили, варили, солили, вялили и заготавливали рыбий жир.

В окрестных лесах, среди сопок и гор, произрастали лиственница, амурская пихта, сибирский кедр, сосна, ель, липа, клён, берёза, осина, ясень, ольха, черёмуха, маньчжурский орешник, боярышник, дичка, мелкий кустарник и заросли разнотравья, где водились лось, изюбр, кабарга, волк, рысь, бурый медведь, тигр, леопард, амурская лесная кошка, косуля, кабан, соболь, белка, бурундук, горностай, фазан, дрофа, утки, гуси, ласка, колонок, заяц, лиса, сурок, змеи, ящерицы и ещё многое другое водилось в этом удивительном по красоте, изобилию и многообразию райском забайкальском уголке.

Наружные, да и внутренние заборы сельчане изготавливали из тальника. Из него плели запруды, заездки для ловли рыбы, особенно в зимнее время - на сазана. Также плели корзины, ажурные хлебницы, оплетали красивым орнаментом заднюю и

боковые части кошёвок - легких конных саней. У менее зажиточных селян избы снаружи на два аршина высотой (66 сантиметров) оплетались тоже тальником, а между стеной и низким плетнём утрамбовывалась земля с глиной для удержания тепла зимой. Затем изгородь замазывалась глиной, белилась известью, впритык ставилась широкая и довольно длинная скамейка, и это место называлось завалинкой. В быту говорили: «Пойдем, посидим на завалинке!». Здесь отдыхали, решали какие-то семейные дела, а вечерами собиралась молодежь на тайные свидания.

По узким кривым переулкам, наглухо загороженным с обеих сторон высоким плетнём, гоняли на водопой скотину. Также возили из Аргуни воду в деревянных бочках для приготовления пищи и хозяйственных нужд.

Из всех семи переулков Куницынский был самый длинный и самый извилистый. Он тянулся почти до самой речки и подходил к броду, через который можно было на телеге или пешком переправиться на другой берег Аргуни. Здесь был пережат - наиболее мелкое место в реке с ускоренным течением.

По железной дороге день и ночь шли поезда, гружённые зерном, бобами, углем, щебнем и различной техникой. А деревенские мальчишки, в основном дошкольного возраста, ходили по железнодорожной насыпи и собирали бобы, которые вываливались в щели плохо подготовленных вагонов. Затем бобы отмывали от грязи, сушили и жарили на сковороде с постным маслом. Это была такая вкуснятина! Несмотря на то, что в доме всегда имелось мясо, молоко, хлеб и картошка.

Пацаны также ловили в Аргуни гальянов, подсаливали и коптили на костре. Разве могли сравниться домашние котлеты с таким «деликатесом»?! В саже, чумазые, но счастливые, мальчишки приходили домой и, однако, съедали всё, что стояло на столе, приготовленное родителями.

- Проголодался? - спросила мать Сашку.

- Угу, - ответил он.

- Где весь день носился? Через год в школу, а ты по дому не помогаешь.

В это время в дом зашёл отец, строго глянул и сказал:

- Завтра поедем тальник заготавливать. С улицы забор менять время пришло (фасадный, выходивший на улицу забор должен был выглядеть не хуже, чем у других хозяев).

Утром, запрягая Рыжуху, отец спросил:

- Как думаешь, хватит одного воза?

- Не знаю, - ответил Сашка. - Это же считать уметь надо.

Отец запрягал неторопливо, но быстро, как и многие забайкальские казаки. Чрезседельник, подпруга, хомут, оглобли, вожжи и весь сказ! Сашка это знал наизусть. Но справиться с чрезседельником, а тем более затянуть хомут он не мог - не хватало силёнок и роста. Зато управлять лошадью и работать вожжами умел отменно.

- Скоро будет рёлка, - сказал отец. Вот тебе резка, посмотри на неё внимательно, пообвыкнешь, а что далее делать, скажу на месте.

Рыжуху выпрягли, спутали (надели на ноги путы, чтобы не сбежала), и Сашка с отцом отправился вниз с пригорка, к Аргуни.

Заросли тальника! Даже представить трудно эту стену, эту мощь матушки-природы высотой до десяти аршин (чуть более трёх метров). Эти заросли были настолько густыми, красивыми, стройными, из прутьев именно той толщины, которая нужна была для плетения парадной стороны забора.

- Ну и как, резку изучил? - спросил отец. Сашка снова поводит рукой с острозаточенным приспособлением для быстрого срезания тальника под определенным углом, напоминающим короткую хоккейную клюшку.

- Вроде бы. Но ты же мне ещё покажешь, - ответил сын.

- Смотри! Я беру в горсть 3-4 прута, а тебе и одного хватит, завожу снизу резку и тащу быстро вверх. Будь осторожен, береги пальцы. Срежешь прут - отнеси к подводе. И так каждый раз.

Но так, как хотелось отцу, не получалось. Резка скользила по пруту, сдирала кору и норовила порезать руку. Содранная с прута кора делала его скользким и неуправляемым. Его не только срезать, сломать было невозможно. И пока Сашка мучился с этими проклятыми прутьями, подошел отец и сказал:

- Будем заканчивать. Хорошо поработали.

Возвращались с большим возом тальника длиной почти в две сажени (около четырех метров). Сашка сидел на связанных в большие пучки прутьях, отец шёл рядом с повозкой, чтобы облегчить Рыжухе тягу.

- Сейчас разгрузимся и пойдём обедать, - сказал отец, когда они въехали во двор усадьбы. Но Сашке уже не терпелось съесть хотя бы корочку ржаного хлеба, так он оголодал на свежем воздухе за эти полдня. Он кинулся было к двери летней кухни, но отец остановил:

- Вернись, сынок, не дело вольности распускать. Настоящий казак должен быть терпелив и не выказывать какие-либо слабости.

Эти же постулаты втолковывал им, казачатам-погодкам, казачий старшина на начальных ознакомительных занятиях.

Когда оставалось разгрузить всего несколько пучков тальника, Сашку начало подташнивать, и с голодухи закружилась голова.

- Вот теперича всё, - весело сказал отец. - Иди мой руки и жди меня, пока я с Рыжухой управлюсь.

Мать уже ждала их к столу. На плите стояла кастрюля борща, а на сковороде - румяные котлеты. От аромата приготовленной еды не то что кружилась голова, но и подкашивались ноги.

- Устал, сынок? - обняла Сашку мать. - Потерпи чуток, сейчас придёт отец, и будем обедать.

- Представляешь, какой растёт помощник! - расхваливал отец перед матерью до смерти голодного ребёнка. - Целый пучок тальника нарезал. Силёнок, правда, ещё маловато, но накопим, правда, Сашок?

- Правда-правда, - кивал тот, уплетая вторую чашку борща и поглядывая на котлеты.

- Плохо не станет? - с волнением спросила мать.

- Не-а... - ответил Сашка и почувствовал, как надулось пузо. - Ты мне котлеток побольше положи, а я пока на улицу сбегаяю, - сказал он матери и рванул из избы.

- Надо еду с собой брать, - укоризненно сказала мать отцу. - Тебе-то что, ты взрослый, перетерпишь. А дитя, как волчонок, голодное, того и гляди, кость проглотит.

Когда Сашка вернулся, отец, улыбаясь, спросил:

- Полегчало?

- Угу, - ответил сын и принялся было за котлеты, на что мать сердито сказала:

- Хватит! Иди, погуляй на улице. Протрясись немного, потом доешь.

После небольшого отдыха под летним навесом отец позвал Сашку:

- Я буду плести плетень, а ты смотри и запоминай. Калитку в телятник сделаешь сам. Это тебе экзамен будет.

В предварительно заготовленные ямочки отец вставлял колья, обильно смазанные в нижней части дёгтем, чтобы они не гнили в земле, заваливал их землёй и притаптывал.

- Надо забить колья, - деловито заметил Сашка. - Свалится забор-то. На что отец ответил:

- Когда плести начнём, колья, как и люди, взявшись за руки, крепко держаться будут. Прутья тальника их так закрепят, что ни ветер, ни скотина повредить плетень не смогут. Смотри! Нижние два ряда - скрепляющие. Здесь красоту наводить не надо, главное, чтобы прут обогнул не менее 5-6 кольев. Комельки (место, где был срезан прут) надо заправить на внутреннюю сторону плетня, а не на лицевую. Это чтобы люди проходили мимо и любовались, как ровно и красиво хозяин поставил плетень.

Сашка смотрел, а отец ловко управлялся с длинными прутьями тальника, продолжая пояснять:

- Сейчас покажу тебе «верёвочку». Её можно плести из двух, трёх и даже четырёх прутьев. Все делается так же, как и на скрепляющих рядах, только полоса получается, смотри внимательно, ровная, но уже из трёх прутьев. Надо, чтобы по всей длине забора эта полоса была ровной, а не плясала вверх-вниз. Тогда будет красиво.

Затем три ряда пройдём «гладью». Ну, это как женщины вышивают крестиком, гладью полотенца, подушки, а мы с тобой забор «вышиваем»! А ещё, заметь, каждый хозяин забор своему плетет и рисунок подбирает.

После «глади» пошёл «ажур», в котором Сашка окончательно запутался и стал просить отца отпустить его купаться.

- Одного не пушу! - ответил отец. - Река - она и есть река, а Аргунь в особенности опасная, омутов много.

Но не ведал отец, что сын с соседскими погодками уже как месяц осваивали речку. Через брод переходили на другую сторону Аргуни, где на плёсе рассказывали друг другу всякие небылицы и страшные истории. В протоке учились плавать и, надо сказать, небезуспешно. Холодную протоку переплывали по два-три раза за день. Нырjali. На спор подолгу сидели, зажав носы под водой.

Деревенские дети выросли быстро, перенимая от старших навыки ухода за скотом, птицей, орудиями труда. Шести -

семилетние уже умели добыть огонь примитивным способом, ударяя камень о камень и поджигая болотный мох. Или сфокусировав солнечный луч от блестящей поверхности ложки, а нередко и от двух найденных стёклышек. При появлении малой искорки надо было через камышинку или соломинку тихонечко раздуть огонек в болотном мху или сухой траве, а дальше проще - формируй из собранных палок костёр в виде шалашика или колодца, ставь «таган» - треножник из кольев, подвешивай котелок, ведро с водой и вари, что надо: суп, уху, чай с лесными травами.

В таком возрасте малые казачата уже хорошо сидели в седле, участвовали в простых скачках на смиренных лошадях. Они должны были уметь плавать, разводить костёр, самостоятельно садиться на лошадь, укрыться от ненастья, поймать мелкую рыбу и обращаться с ножиком.

Умение садиться на лошадь без седла и узды неоднократно проверялось старшими по возрасту, которые осваивали свои азы джигитовки. Обычно казачок набрасывал на шею лошади свой кушак (пояс), либо бечёвку и вёл лошадь к небольшому пню, бугорку, забору или дереву и с их помощью вскарабкивался на круп лошади. Держась за гриву, чтобы не упасть, направлял лошадь в заданное место, легонько ударяя по шее животного то правой, то левой рукой. Обученные лошади это хорошо понимали и команды детей исполняли даже лучше, чем взрослых седоков, видимо, из-за их более нежного отношения к животным.

- Выводи Рыжуху и поедем купаться вместе, — наконец-то решил отец и, довольный своим творением, в который раз осмотрел плетень. - Завтра, даст Бог, закончим плести.

Сашка подвел Рыжуху. Отец, захватив гриву, коротким прыжком, как и подобало казаку, вскочил на лошадь. Молча протянул сыну руку, и тот, словно пёрышко, взлетел вверх и прилип к холке Рыжухи.

Без узды, без седла, вскачь помчались они по Куницынскому переулку к прохладной Аргуни.

- Эге-гей! - кричал Сашка.

- Ого-го! - басом поддерживал отец.

Рыжуха с удовольствием несла седоков, понимая, что после тяжёлой работы ей предстоит встреча с водой.

Лёгкий шлепок по шее, и Рыжуха, как вкопанная, остановилась у кромки воды. Отец, легко спрыгнув, сказал:

- Давай, купай!

Сам же разделся догола и прыгнул в воду.

Легонько ударяя пятками в крутые бока Рыжухи, Сашка постепенно погружался в воду, и когда кобылица поплыла, ухватившись за густую, длинную гриву, чтобы не унесло течением, ощутил такое блаженство, что и не заметил пропажи отца.

- Папаня, ты где? - закричал Сашка испуганно. Но когда увидел лежавшую на берегу одежду отца, запричитал ещё громче:

- Папонька, милый! Неужели утоп?! Ты чё делаешь-то?

- Да здесь я, - как привидение, из-под обрыва появился отец. - Испугался что ли?

Сашка бросился в объятия отца, забыв все прежние обиды. Хотя последнюю порку, после которой почти неделю не мог сидеть, так болела задница, трудно было забыть.

С братьями-близнецами Пешковыми, Петькой и Яшкой, они пошли на Аргунь, покататься по льду. Аргунь только встала и так манила своим прозрачным льдом, через который можно было наблюдать, как плавают рыба, колышутся водоросли, и течет вода, перекатываясь через разноцветные камешки.

Ребятишек собралось около семи в одном месте. Лёд стал проседать и, наконец, лопнул. Вода хлынула в образовавшуюся воронку и затопила любознательных.

«Закреть дыру!» - и Сашка бросился в крутящуюся часть воронки в полущубке из толстой овчины. Увесистый полушубок на секунды перекрыл поступление воды и дальнейшее обрушение льда.

Сашка примёрз у основания образовавшейся воронки и в истерике кричал:

- Я их спас! Я всех спас!

Из прибежавших на крики сельчан отец был в числе первых, с длинным шестом-багром. Совместно они повытаскивали из полыньи пострадавших, и отец выпорол Сашку сыромятным ремнём.

Успокоившись, отец обнял рыдающего сына и сказал:

- Молодец, сынок! Если бы не ты, погибли бы все. А отлупил я тебя от радости, что все живы, ты живой! На будущее урок будет хороший.

«Лучить» рыбу

Всё чаще человек задумывался о сохранении природных богатств, биоресурсов и гуманном отношении ко всему живому. Семьдесят лет назад в бассейне Амура было обилие зверя, рыбы, различных пород деревьев и другой растительности делало этот край богатым и уникальным по своей природной красоте. Многие занимались охотой, рыбной ловлей, заготовкой лекарственных трав и кореньев, кедровых орехов и ягод. И не только желание обеспечить семью дичью двигало наших дедов заниматься промыслом, а простая страсть, свойственная многим современным охотникам и рыболовам. Разница была лишь в том, что деды наши не убивали дичь понапрасну, ради «спортивного интереса», не убивали зря косуль, кабанов и не ловили «про запас» рыбу. Без лицензии на отстрел и отлов существовал ещё и неписанный закон: возьми не больше, чем надобно, и думай, что ты оставишь детям своим и внукам.

Сашке и братьям Пешковым отцы поручили заготовить смольё, не менее двух мешков.

- Вечером поедем «лучить» рыбу, - сказал Сашке отец. Всё должно быть наготове. Проверь. И ещё раз предупреди Пешковых, чтобы не опаздывали.

Ребята взяли мешки, топор, кирку и с лёгкой тележкой двинулись через переезд железной дороги на противоположную от деревни сторону, где сельчане для хозяйственных нужд заготавливали сосну.

Смольё (покрытые смолой корни) образовывалось через несколько лет после того, как спилят сосну. На солнцепёке сосновый сок в изобилии вытекал из спиленного участка на кору оставшегося пня, пропитывал его и застывал в виде кусочков янтаря.

В каменистой почве работали киркой, а в песчаной обходились топором. Через некоторое время облепленные смолой, песком и грязью заготовители решили передохнуть и подкрепиться.

Братья Пешковы выложили на общий стол сваренные вкрутую яйца, сало, хлеб и лук. Сашка вытащил из холщёвой сумки вяленое мясо, хлеб и бутылку кисляка (простокваши).

- Вы оба едете «лучить»? - спросил он братьев.

- А как же! - в один голос ответили они.
- Надо набрать побольше старого смолья, оно дольше горит, - сказал Яков.
- И коптит и воняет тоже больше, - ответил Пётр.
- До полудни (около 16 часов) управимся, - рассуждал Сашка. - У нас около мешка уже есть. Пообедаем, отсортируем и домой.

Неожиданно из-под пня, который топором только что долбили заготовители смолья, вылез лисёнок. Он наивно уставился своими бусинками тёмных глаз на тех, кто потревожил его покой, сделал несколько шагов вперед, понюхал вяленое мясо и, чихнув, направился в кустарник.

- К матери пошёл, - заключил Яков;
- Да нет же, - возразил Пётр. - Здесь у него, под корнем, нора. Он, наверное, сидел, боялся выйти, пока мы топором корни рубили.
- Трогать не будем, - решили все. Если маленького зверька взять в руки, на нём останется человеческий запах, и мать может его не принять, бросить, и лисёнок погибнет. Так считали многие деревенские ребята. Родители приучали детей не брать в руки ежат, птенцов, мелких зверушек и кладки яиц диких птиц. Разрешалось любоваться на живность с расстояния. Несмотря на изобилие и разнообразие полевых цветов воспитывалось бережное к ним отношение.

Когда заготовители смолья вернулись домой, родители были заняты подготовкой к «лучению» рыбы: точили остроги, проверяли сетки, куда укладывалось и горело смольё, обновляли лёгкие деревянные лопатки-полувёсла. Для «лучения» рыбы обычные вёсла не годились из-за создаваемого ими шума, который распугивал рыбу. Под словом «рыба» подразумевались не любые породы рыб, а именно щука. Во время «лучения» рыбы нельзя было курить, разговаривать, стучать о борта лодки и пользоваться блестящими предметами.

- Завтра большой церковный праздник, женщины будут печь пироги с рыбой, - сказал отец. - И наша задача заготовить шук, очистить и перемолоть их на мясорубке. Мать приготовит вкусные котлеты и пирог. Оставшихся, если нам повезёт на рыбалке, закоптим и приготовим на сенокос. Во время сенокоса копчёная рыба, малосольное сало, душистый хлеб да чай на целебных травах - считай, полдела.

Аргунь вечером становилась необычайно таинственной и тихой. Течение как бы замедлялось, и только над воронками, образуемыми омутами и корягами, клубилась мошкара да комары. В прибрежных деревьях и кустах подавали голоса филины. Выходили на ночную охоту лисы, дикие коты.

Тихо спустив на воду лодку, отец и Сашка двинулись к противоположному берегу. Здесь было много зарослей ивы и самое тихое течение реки.

Остановились, начали разжигать смольё, постепенно подкладывая смоляные коренья в железную сетку, которая находилась в носовой части лодки на метровой железной палке. Смолистый огонь быстро набирал силу и высвечивал прозрачную воду Аргуни чуть ли не до самого дна, то есть на три с половиной метра. Про ночную ловлю шук потому и говорили не «ловить», а «лучить», что неяркий луч света как будто завораживал рыбу.

Отец с острогой наготове стоял в носовой части лодки, а Сашка сидел на корме и лёгкой деревянной лопаткой тихонечко направлял лодку вдоль берега и между больших кустов ивы. Вдали поблёскивал огонь - это братья Пешковы с отцом тоже «лучили» рыбу.

Свет выхватывал из глубины длинные плети травы, которые тянулись и шевелились по ходу течения. Словно сказочные героини, готовые схватить и утащить на глубину рыболовов, мимо проплывали тёмного цвета причудливые коряги. Между валунами спряталась небольшая стайка окуней. Потрясенный светом поднялся «ком земли» и медленно отплыл в сторону берега.

- Здоровенный сом ушёл, - тихо сказал отец.

Неожиданно в полосе света появилась щука. Отец поднял руку. Это означало перестать грести и затаиться. Больших размеров «полено» зависло между дном и поверхностью реки и медленно шевелило плавниками. Наверное, щука дремала, а может быть, затаившись, ждала очередную жертву. Тем не менее, свет ее не пугал.

Отец осторожно поднял острогу, а затем резко ударил по щуке. Лодка развернулась, и отец вместе с Сашкой чуть не вывалились из неё. Острога словно провалилась в пустоту, и больших размеров щука мгновенно исчезла из вида.

- Не рассчитал, - сказал отец. - Вода сильно чистая. Кажется, что щука рядом, а она на глубине. Чуть острогу не утопил. Надо переплыть на другое место. Здесь мы уже распугали всю рыбу.

Отец взял весло, и они поплыли в заводи. Глубина здесь была небольшая, но и щуки водились помельче.

Летняя ночь короткая. Начало светать. Густая темнота ночи постепенно растворялась и серела, появлялись очертания прибрежных кустов. Потянуло лёгким ветерком.

- Достаточно, - сказал отец, - пора домой. На котлеты-то хватит? - обратился он к сыну.

- Три щучки, - посчитал Сашка. - Если котлеты большие стряпать, то мало будет. А на пирог и вовсе не хватит.

- А мы уху сварим! - сказал отец. Покладём побольше картошки, луку, укропу, перца, и будет знатная еда!

Когда подплывали к берегу, Пешковы уже привязывали лодку к вбитому в берег колу и складывали в мешок рыбу.

- Как успехи? - спросил Василий Пешков.

Отец показал три небольших щучки и с сожалением рассказал, как упустил сома и фунтов на пятнадцать (семь килограммов) щуку.

Василий молча достал из мешка большую щуку и протянул отцу:
- У нас удачно сложилась рыбалка, - сказал он. - Так что всем хватит и на праздник, и на сенокос.

Попова Нина

Родилась в 1956 году в Исилькуле. Окончила Екатеринбургское училище искусств по специальности «клубный работник, руководитель самодеятельной фотокиностудии». Трудилась в разных сферах: культуре, образовании, журналистике, печаталась в литературных изданиях района, области, СМИ (Москва, Белгород, Смоленск, Свердловск, Омск, Красноярск – очерки, фоторепортажи, стихи).

Анастасия

В жизни каждого человека есть люди, от которых исходит свет и тепло, а от их нежных рук и ласкового взора замирает душа, радуют краски дня. Эти люди утешат, помогут и поймут, они молятся за нас искренне и с любовью. Насколько беднее была бы наша жизнь без наших дорогих бабушек!

Много лет я рассказываю о пожилых людях, их судьбах, мудрости и жизнестойкости, а ведь у меня самой была замечательная бабушка – Анастасия Изотовна Слепцова, 1895 года рождения, сохранившая до конца дней своих верность мужу, любовь к детям. Воспитала три поколения и до сих пор незримо идет по жизни с нами.

Меня всегда тянуло в ее тесноватую, но опрятную избу. Все здесь было обыкновенно и привычно для жизни: фикус простирал широко свои глянцево-зеленые листья, на окнах красовались незаменимые от всех хворей герань и столетник.

От беленой русской печи исходили тепло и уют. В избе всегда сытно пахло щами и кашей. Вещи были все нужные, постоянно применяемые в обиходе. Над кованым сундучком – самодельный коврик, железная кровать убрана покрывалом, красиво собранным из лоскутков. В углу комод со швейной машинкой, рядом – прялка и большой стул с резными узорами. Все радовало меня: и круглый стол с чистой скатертью, и рушники с райскими птицами, и ароматный травяной чай с морковными пирожками... Подолгу рассматривала я фотографии в темно-коричневых рамках и отдельные портреты своих предков. Эти снимки рождали трепетное уважение к своим прародителям.

Бабушка обладала душевной теплотой. Поразительная легкость в движениях, лишенная суеты, и неторопливая, ровная речь – вот что всегда нравилось мне в ней.

«Вот уж вечер, а я у порога, словно тополь у края села...», «На улице дождик с ведра поливает, ой, люшеньки-люли, брат сестру качает...», - бабушка пела проникновенно и очень красиво. Она знала множество сказок и поговорок, прибауток. Ее руки искусно пряли, вязали, стряпали, заботливо нянчили правнуков. Бабушка считала, что все делается с Божьей помощью и после очередной работы благодарила Господа, что дал ей силы. Любовь к жизни при любых обстоятельствах – вот что двигало её поступками. Опасаясь лени и мелких мыслей, чёрствости и лицемерия, она не торопила будущее, бережно относясь ко всему живому.

...Часы отбивают новое время, звучат новые песни. В этом времени наши бабушки тоже радуются и улыбаются солнцу, детям, родным.

Они – наши ангелы-хранители. Земной поклон им, живущим рядом. Жизнь продолжается, потому что на земле есть они!

Иванова Светлана

Студентка I курса юридического факультета ОмГУ им. Ф.М. Достоевского. Родилась в 2001 году в Исилькуле. Окончила в 2019 году МБОУ «Исилькульский лицей». Сказки пишет с 16 лет. Увлекается классической музыкой. Занимается сбором лекарственных растений, и это увлечение послужило начальным этапом для написания сказок о природе родного края.

Волшебное озеро Эбейты

Экологическая сказка

Далеко-далеко в Сибири, на просторах Омской области, в Исилькульском районе есть солёное озеро Эбейты. И славится это озеро своей лечебной грязью. Со всех областей, районов и деревень люди едут туда лечиться, и им становится лучше, потому что эта грязь - волшебная.

Но однажды обнаружилось, что озеро начало зарастать, а люди, когда приезжали лечиться, только больше заболели. Этому была причина - в озере появились черти.

В один прекрасный день мимо озера Эбейты проезжала девочка. Её звали Элейна. Она увидела, какое озеро теперь некрасивое, и ей стало его жалко, поэтому она решила подойти поближе. Когда она была уже совсем близко, из озера неожиданно выпрыгнул маленький чертёнок. На вид он казался совсем не злым. Он сказал:

- Не ходи к озеру, Элейна, а то тоже станешь чертёнком!

Но Элейна не испугалась, наоборот, ей стало интересно, и она спросила:

- А ты что, раньше был человеком?

- Да, раньше я был девочкой, и звали меня Лина, - вздохнув, ответил чертёнок.

- И как ты превратилась в чертёнка?

- Так получилось, что я шла мимо озера, а когда подошла близко к воде, из озера вынырнула русалка, у неё был большой чёрно-зелёный хвост и очень злое лицо. Это была королева озёрного царства. Она подняла свой волшебный скипетр и превратила меня в чертёнка. Теперь я её слуга, - рассказал чертёнок.

- Слушай, а ты не могла бы показать мне ваше царство, там, должно быть, очень интересно, - попросила Элейна.

- Хорошо, но там может быть опасно. А ещё ты должна будешь съесть волшебную водоросль, чтобы дышать под водой, - предупредила девочку Лина.

Элейна согласилась и съела принесённую чертёнком водоросль, после чего вошла в воду, нырнула и обнаружила, что может свободно дышать и под водой. Они уплывали всё дальше от берега, но под водой было страшно, потому что всё было окрашено в тёмно-зелёный цвет. Зато в озере оказалось много жителей: кого там только не было, даже пиявки были. Но большая часть обитателей дна была очень грустной и медленно плавала между чёрно-зелёных водорослей.

- А как зовут вашу королеву? И почему все такие грустные? - поинтересовалась у чертёнка Элейна.

- Королеву зовут Милордессия. Она очень злая, начав править в озёрном царстве, она запретила смех и веселье. Тех, кто веселятся, ловят и сажают в тюрьму. Все грустные, потому что боятся её. А она любит, когда её боятся.

- И так было всегда? - не поверила девочка.

- Нет, я слышала, что в этом царстве были и другие времена, - ответила Лина. - Плыви за мной, я тебе кое-что покажу...

Плыли они довольно долго, но когда лес из водорослей наконец расступился перед ними, Элейна увидела русалку. Она была удивительно красива, за спиной у неё виднелись два крыла причудливой формы. Но, к сожалению, глаза её были закрыты, а сама она лежала в хрустальном гробу.

Лина рассказала своей новой подруге, что эта русалка - настоящая королева озера, а зовут её Шарлотта. Милордессия обманом заставила её выпить усыпляющий напиток, а сама заняла трон. Пробудится королева только после смерти Милордессии. Но жизнь в ней медленно угасает. Теперь, если Шарлотта умрёт, то озеро Эбейты окончательно превратится в болото. Тогда в нём поселятся нечистые силы: привидения, Кикимора...

Элейна испугалась, что лечебное озеро может превратиться в кошмарное. Она спросила у Лины:

- Неужели никак нельзя уничтожить Милордессию?

- Можно, но сделать это непросто. Милордессия умрёт, только если сломать её волшебный скипетр. Но вершина скипетра сделана в виде змеи, и эта змея может оживать. Если встретиться с ней взглядом, то можешь превратиться в морское чудовище.

- Но ведь смотреть на неё совсем не обязательно! - воскликнула Элейна. - Мы можем взять зеркало и по отражению в нём найти скипетр. Тогда глаза змеи нам не страшны. У меня есть зеркальце в кармане.

- Ты просто гений! - обрадовалась Лина.

Они решили, что отправятся на поиски скипетра ночью, когда королева Милордессия уснёт. Лина, прекрасно знавшая дворец, провела Элейну прямо к спальне злобной русалки. У входа в неё мирно спали стражи-осьминоги. Девочки осторожно связали их щупальца между собой и вошли в спальню.

Скипетр нашёлся быстро. Он стоял рядом с кроватью. Благодаря придуманной Элейной хитрости, они легко справились со змеей. Но как только Элейна прикоснулась к скипетру, проснулась Милордессия. Она взмахнула руками и пробормотала заклинание. В глазах у девочек потемнело, а очнулись они уже в темнице.

Пошарив по полу в темноте, Лина нашла небольшой крючок и стеклянный шар. Она подала его Элейне, и когда он оказался в руках у девочки, то матовая поверхность начала светиться и внутри шара стала видна маленькая русалочка. Элейна испугалась, а Лина спросила:

- Кто ты? Как тебя зовут?

Из шара раздался мелодичный голос, похожий на журчание ручейка:

- Меня зовут Лилия. Я фрейлина королевы Шарлотты.

- А как ты оказалась в этом шаре? - поинтересовалась Элейна.

- Я зашла в комнату королевы Шарлотты и попыталась спасти её, но пиявки увидели меня и всё рассказали Милордессии. Злобная королева при помощи магии заточила меня в стеклянный шар, где я должна томиться до пробуждения своей повелительницы. Шар должен был ожить только в руках человека, а на дне озера их не бывает. Так что спасибо тебе, добрая девочка, что пришла нас спасти. Ты очень смелая и равнодушна к природе, только такие люди способны вернуть счастье в наше королевство.

Взглянув на Лину, Лилия добавила:

- Этим крючком можно открыть дверь. Я спою волшебную песню, которая усыпит стражников. Она действует только на морских обитателей, а вы не из нашего мира, поэтому сможете сбежать отсюда.

И она запела прекрасную песню. А Лина тем временем открыла дверь с помощью крючка. Охранники, как и обещала Лилия, спали рядом с дверью в темницу. Девочки осторожно прошли мимо них и поднялись по лестнице во дворец. Бесшумно пробрались они в покои королевы и, к огромной радости, увидели там скипетр.

Как только Элейна прикоснулась к скипетру, Милордессия тут же появилась вновь. Но Лина бросилась ей наперерез, а Элейна, размахнувшись, изо всех сил ударила скипетром об стену. Он разлетелся на кусочки, а злобная русалка превратилась в камень.

Исчез мрачный тёмно-зелёный цвет, и королева Шарлотта возвратилась во дворец. Она вновь начала править к огромной радости всех подданных. Лилия освободилась из заточения, а Лина снова стала человеком.

Добрая королева подводного царства щедро одарила своих спасительниц: с помощью своих чар она наделила их крепким здоровьем, которое дороже многих богатств. Девочки покинули озерное царство и вернулись домой.

А озеро вновь стало чистым и продолжило помогать людям избавляться от болезней.

Поэтому берегите это озеро! Сколько людей уже вылечилось, благодаря этому замечательному озеру Эбейты! А если вы ещё там не были, то обязательно посетите его.

Вам очень понравится!

Васильев Сергей

Родился в Таре в 1977 году. Работает преподавателем в Тарском индустриально-педагогическом колледже. Лауреат выездного регионального семинара молодых литераторов Омской области (Тара, 2010), районного конкурса самодеятельных поэтов (Тара, 2014), лауреат литературного конкурса в рамках регионального литературного фестиваля «Макаровская осень» (Большеречье, 2015, 2018) в номинации «Лучший самодеятельный писатель. Поэзия». Член литературного клуба «Вечера на Александровской». Стихи публиковались в коллективных сборниках и периодических изданиях Тары и Омска.

Завари-ка мне, бабушка, чаю
С ароматным брусничным листом.
По тебе я так сильно скучаю
В мире этом, таком непростом.

У меня то дела, то заботы –
Целый ворох никчемных проблем.
У тебя сериал по субботам
И приезд мой как повод для тем

Разговоров за чашкою чаю.
Пироги да блины на столе.
Рядом печка, и я изучаю
Головешки седые в золе.

Кот Василий (практически тезка!)
На коленях пригрелся и спит.
Потемнела на кухне извѣстка,
Обретя независимый вид.

Отложив дорогие покупки,
Я грущу о прошедшей поре.
Мне из детства остались зарубки
На осиновой серой коре.

Завари-ка мне, бабушка, чаю...

Паутиной осень занавесила
Жёлтые дорожки сентября.
Улетают птицы, и невесело
Звёздочки холодные горят.

Подарила осень день рождения,
Чтобы непогоду оправдать.
Дни летят – субботы, воскресения.
Сколько же еще просвета ждать?
И в ответ на мой вопрос украдкою
Заурчит за городом гроза

И водой наполнит бочки с кадками,
Чистой, как хрустальная слеза.

Подари мне снегопад.
Зимним вечером нас двое.
И снежинки невпопад
Тычутся в мои ладони.

Подари мне снегопад,
Небо вечером так звёздно.
Я уже и сам не рад,
Что любовь пришла так поздно.

Подари мне снегопад,
Чтобы падал снег подольше.
Я тебе и друг, и брат,
Но любимый всё же больше...

Крюкова Мария

Родилась в Тюкалинском районе в 1969 году. Окончила Исилькульское педучилище, затем Новосибирскую Академию государственной службы. Много лет работала в Доме культуры п. Боевой. Имеет дипломы и грамоты за успешную реализацию программ в сфере молодежной политики. Лауреат районных и областных конкурсов в номинации «Художественное слово», победитель областных проектов Единой России «Ветеран в моей семье» и «Женицыны Прииртышья». За успехи в работе удостоена премии Губернатора Омской области. В 2017 году Мария Николаевна стала Лауреатом 1-й степени областного конкурса чтецов и авторских произведений «Я вырываю слова из плена...». Песня М. Крюковой «Русская зима» вошла в репертуар Омского коллектива «Субботея».

Русская зима

Сл. М. Крюковой, муз. М. Крюковой

Я достану валенки и накину шаль.
Не ругайся, маменька, расступись печаль!
Белые, пушистые выпали снега,
Указали тропочку, где найти тебя.

Русская зима – вьюги да морозы.
Русская зима - спят в снегу берёзы.
Всё белым-бело, снегири повсюду,
За окном метель, и я верю в чудо.

Кони мчатся быстрые, бубенцы звенят.
Ёлочки – молодушки вдоль дорог стоят.
Иней осыпается, мёрзнут щёки, нос.
Знай себе балуется добрый Дед Мороз.

До чего же зимушка больно хороша.
Льётся песня звонкая, и поёт душа.

Пусть мороз кусается, в шубе холодок,
Растоплю я нежностью наш с тобой ледок.

Утро раннее

Разливалось утро раннее
По лугам и по долам,
И манило, и дурманило,
Шло навстречу берегам.
Серебрится и волнуется
Дикий тополь у реки.
Волны с берегом целуются,
Вяжут травы в узелки.

Солнце красное любитесь
В гладь зеркальную пруда.
Ветерок бежит по улицам,
Будит сонные дома.
Распевает где-то иволга,
Кличет в роще соловья.
Тихо-тихо просыпается
Моя милая земля.

Пробегусь по травам скошенным
И залитыми росой.
Мысли здесь живут хорошие,
Здесь я дома, здесь я свой.
Упаду в стога душистые
С земляникой пополам.
Песни соловей неистово
Разливает по сердцам.

Махватов Владимир

Родился в 1958 году в Черлакском районе Омской области. Окончил Барнаульскую спецшколу МВД СССР и Ленинградское высшее политическое училище МВД СССР. Проходил службу в уголовно-исполнительной системе РФ. Подполковник внутренней службы в отставке. Стихи печатались в газете «Знамя», журнале «Омская муза», сборниках «Складчина», «Огни Исилькуля» и др. В 2009 году вышел в свет сборник стихов Владимира Махватова «Формула бытия».

Формула бытия

Царства, империи время стирало
В пыль и руины былых колоннад,
Заново строило, вновь разрушало:
Вслед за рассветом приходит закат.

Вечное – смертное нас окружает
В тених, в камнях, в чешуе тишины.
Солнце младенцем с утра повстречает,
Старцем уходит под своды луны.

Что-то вчерашнее в нас остается,
А что-то уходит, словно вода.
Омутом молча над нами сомкнётся
И не вернется уже никогда.

И не вернуть: ни секунды, ни точки,
Рушится в каждом тот, свой, Вавилон,
Мечутся души в чужой оболочке -
Что это?..Жизнь?..Мистерия?..Сон?..

Что этот мир и Адаму, и Еве –
Сон или явь?.. Иль Божественный миг?..
В шёпote, крике, страдании, гневe,
В сонме событий, страстей и интриг.

Кружат витки этой странной спирали,
Резкий подъем и крутое пике,
Сколько времен мы себя узнавали
В образе линий на левой руке.

Прошлое наше, как плащ пилигрима,
Складки эпох и заплаток века,
Нас овивает так странно, незримо...
...Память...Безумие...Цепь ДНК.

Шок подсознания в магическом знаке,
Орды, кочевники, льды...племена...
...Наше грядущее – зреет во мраке,
В образе духа, фатума, сна.

Сирень

Моё ль безумие бормочет...
В. Набоков

Наше время – разрушенный замок Аида,
Где пульсирует век – раскалён добела.
В нем – весь гнев и вся боль, и вся наша обида...
А под окнами дома сирень расцвела.
... За разрушенным садом столпились аллеи –
Строй чугунных решёток да бронзовых лиц...
Наша память не Дом, а одни мавзолеи,
Вереница гробниц...
Вновь встречаем мы день в необжитых квартирах,
Вновь уходим служить по конторским углам.
А под вечер витийствуем в грязных трактирах
И не можем понять, что же хочется нам.
Молим Бога, кресты надевая чужие,
Чтоб быстрее сознаться в отцовских грехах.
Чем заполнить теперь наши души пустые?
...А земля от проклятий превращается в прах.
Так, сгибаясь от ветра, тихонько стареем,
Но не ищем опоры себя разогнуть.

Даже семя свое прорастить не умеем
И пустым оставляем свой жизненный путь.
Отпевают нам жизнь годы ржавой струною...
Только мать сыновей ждет у края села:
«Возвращайтесь, сыночки, побудьте со мною!
Под окошком у дома сирень расцвела».

Вот и все. Вот и все...
День окончился просто,
Как избитый ребенок, в испуге замолк.
Непролазная грязь у родного погоста,
На крестах паутины расплзается шёлк...
От холодной волны сонно стонут ветра.
Черный траур на пальцах раки.
Как нам жить до утра?
Как? Нам жить до утра!
Среди тысячи русских обид.

Осень. 90-е

*Художник нам изобразил
Глубокий обморок сирени...
О. Мандельштам*

Бледные тени да голые ветки,
Пахнет полынью, истлевшей соломой...
Словно в окне силуэт статуэтки,
Луг цепенеет причудливой комой...
Вот и октябрь – зима у порога,
Утром, как облако, иней на травах,
Кистью берез в чёрно-белых октавах
Ветер рисует этюды Ван Гога.
...Где-то коряга у берега стонет,
Корни, как тело, сломаны, рваны,
Вынырнет – тонет, вынырнет – тонет,
Не доплыла так в теплые страны...
Тишь разорвав, проскрипела телега,
Лошадь вознице о чем-то заржала,

То ли из дома его провожала,
То ли в предчувствии первого снега
Вслед им глядела деревня Элита,
Холм огибая неровною строчкой,
Всеми покинута, всеми забыта,
Грустная, гордая – мать-одиночка...

Апрель... Погода – дождь со снегом.
Седеют звёзды, стынут ветры,
А я спешу поспеть за веком,
Бросая дни, считая метры.
Скрипят деревья у оврага –
Мотив простуженной свирели.
Свисает время, как бумага,
Среди иголок старой ели.
Вдали, за речкой, хлещет пламя
Не то огня, не то заката...
Дни отживают вместе с нами
Строкой не лирики, а мата.
А сердце жаждет так немного!
Чтобы теплом согрелись ели,
Чтобы домой вела дорога
Под звук свирели...
Но все апрель, дожди со снегом,
Скворечни мокнут, ветер злится...
А я бегу, бегу за веком
И не могу остановиться...

Михалёва Елена

Родилась в 1971 году в Омске. В Исилькуле окончила среднюю школу №3. После получения педагогического образования работала в школах нашего района, в знаменитых российских лагерях «Артек» и «Орлёнок». Все эти годы писала стихи и сценарии для себя и своих друзей. Печаталась в районной газете «Знамя».

Русские

Что знаешь ты про Русь святую,
О том, как можем мы любить?
И сами мы себя разуем,
Чтоб полпланеты накормить...
Здесь для чужих топь да берёзы,
Тайга и глушь да степь в пыли...
По роду племени мы Росы,
От них все русские пошли...
С молитвою и без нахрапа,
Ты сам построить так сумей
Кижичи и храмы в три наката,
Всё с топором да без гвоздей!
У нас умельцы есть, что надо!
Не будем лаптем ши хлебать,
Украшим кружевом наряды,
Блоху сумеем подковать!
И говорить на эту тему
Я никогда не постыжусь,
Ведь Саши Пушкина поэмы
Весь мир читает наизусть.
Или Чайковский – композитор,
Другого не было и нет!
Хотите вы иль не хотите –
Прославил русский наш балет.
Что, есть у вас ещё вопросы,
Чем славится моя страна?
Вот Менделеев, Ломоносов –
Весь мир их знает имена.

И пра-пра-правнуки от Росов,
Прославить чтобы сыновей,
Шагнули первыми мы в космос
От имени планеты всей.
Наукой, волей и терпеньем –
Работать надо – не грешить,
Россия славится терпеньем,
И ей вовеки не забыть,
Как терпелив народ наш, братцы,
Кряхтим и терпим до поры,
Но коль за Родину сражаться,
Тогда всем миром в топоры!
Руками голыми за вилы,
Души-гони с родной земли,
А вы б как прадеды смогли бы?
За Русь, за матушку смогли б?
Кто к нам с мечом, тот в землю ляжет
И головы не унесёт.
Плечом к плечу да так мы вмажем –
У нас к врагам особый счёт:
То печенеги, то татары –
Всех перечислить не берусь.
Литовцы, шляхта и татары –
Дерись, берёзовая Русь!
Пришел француз - лупи француза,
Чтоб ног отсюда не снести,
И уползали чтоб на пузе,
Бей, да по матушке крести...
Что русским в масть,
То немцу плохо!
Уж лучше с нами вам дружить,
Ведь со времен царя Гороха
Нельзя Россию победить!
Как выстоять она сумела?
Я за неё душой молюсь,
В платочках и рубахах белых
Жива ромашковая Русь!
Нам успокаиваться рано –
Как Спас на крови Русь стоит.

Не троньте русского Ивана –
Он за ценой не постоит.
И до повторного потопа
Напоминать не постыжусь,
Как в ноги кланялась Европа
Тебе, березовая Русь!
Навоевались!!! Во, по горло !!!
И деды наши и сыны –
Спроси в России у любого:
«Хотят ли русские войны?»
Не троньте нас!
Пусть наши раны
Быльём - травую зарастут...
И стол накроют вам Иваны,
И чарку мёда поднесут.
Хлеб-соль вам!
И в застолье тесном
Историей своей права,
Со словом добрым,
С русской песней
Россия – Матушка жива.
С мечтой о мире и покое
Мы век от века будем жить,
Петь и любить, творить и строить,
Хлеб сеять и детей растить!

Алёнушка

Бровями соболиными да статью удалась,
Да с песнею старинною, откуда ты взялась?
На плечи косы сброшены,
Взмахни скорей платком!
Не плачь, моя хорошая, давай с тобой споём...
Как шли тропинкой узкою,
Про травы да ручьи,
Да про берёзки русские –
Алёнушки мои...

Музыка дождя

Подари мне музыку дождя,
Улыбнись симфониям рассветов,
В партитурах ярких сентября
Сохрани для сердца краски лета.
Не простит нам осень, не простит,
Если мы, укрывшись под зонтами,
В суете забудем, как звучит
Музыка с зелёными глазами.
Осень – ярко- рыжий дирижер -
Чуть взмахнув крылом,
Задаст ритм строгий,
И на несколько минут её узор
Ляжет под ногами у дороги.
А потом от ветра улетит,
Перепутав все следы проходим,
Так пускай же музыка звучит,
Делая их лучше и моложе.

Попова Нина

Родилась в 1956 году в Исилюле. Окончила Екатеринбургское училище искусств по специальности «клубный работник, руководитель самостоятельной фотокиностудии». Трудилась в разных сферах: культуре, образовании, журналистике. Печаталась в литературных изданиях района, области, СМИ (Москва, Белгород, Смоленск, Свердловск, Омск, Красноярск – очерки, фоторепортажи, стихи).

На сенокосе

Волос запутался в сене,
Время остановилось,
Ты потихоньку пела,
Солнце за лугом садилось.
Птицы над нами парили,
Дождь, предвещающая полю.
Озеро спать уходило,
С ветром натешившись вволю.

... Хватит глядеть, синеокая,
Хватит играть волосами.
Дорога мне светит нелёгкая,
Близится расставание...

Дыхание зимы

Зима - девчонка белолицая –
Снегов касается едва
И хрупкой серебристой спицею
Деревьям вяжет кружева.
То веселится, то рассердится,
Но никогда не держит зло:
Чудит с волшебницей-метелицей,
Узор, бросая на стекло.

Ждём паром

Ждём паром.
Нас небо голубое,
Как шатром,
Накрыло с головою.

Как жаль...

*Памяти моей мамы
Слепцовой Надежды Васильевны*

Ты улыбалась - и в глазах
Сияли лучики тепла.
Ты доброй, ласковой была,
Лишь строгой – иногда.
Хранила мир и лад в семье,
Уютным был наш кров.
А если трудно было мне –
Спешила ты на зов.
Излишеств мы не знали, но...
Был сытным, вкусным стол,
И в праздники наполнен был
Лишь радостью наш дом.
Прости, что так спешила я
По жизни всё узнать,
Что не успела лишний раз
Тебя к груди прижать.
Что слов таких не находила,
Какие теплятся в душе,-
С тобой бы я поговорила,
Но поздно, мамочка, уже...
Ни тёплых слов, прикосновений
Твоих мне, мама, не вернуть,
Как жаль, что жизнь летит мгновенно,
К тропинке в детство не свернуть...

Стаценко Валентина

Родилась в 1950 году в Исилькульском районе. Окончила Омский педагогический институт. 39 лет проработала в школе учителем изобразительного искусства и черчения. Ветеран труда. Стихи пишет со школьной скамьи. Принимала активное участие в работе школьного литературного кружка «Тропинка», литературного объединения при редакции газеты «Знамя». Стихи печатались во многих газетах Омской области и Казахстана. Вышли в свет два сборника стихов «Я восхищаюсь красотой» (2006), «И снова я на темы вечные пишу» (2009).

Я утону в заброшенных кварталах,
Пытаюсь свое детство отыскать.
Но лишь знакомый ветер запоздалый,
Как прежде, будет с радостью встречать.
Я утону в заброшенных кварталах,
Я прикоснусь к забвению лицом.
Да, где-то здесь я детство коротала,
Да, где-то здесь стоял мой отчий дом.
Я утону в заброшенных кварталах,
Я отыщу мой детский уголок,
В котором я училась и мечтала,
И получала жизненный урок.

Пролетело лето.
Пожелтела осень.
Ветер рядом где-то
С шумом травы косит.
Пронесется вихрем,
Листьями играя,
То на миг затихнет,
То опять гоняет.
Вдруг зимой студёной
Подкрадется тихо,
Легкою поземкой
Пробежится лихо.
И закружит выюга

Локоном пушистым,
Запуржит по кругу
Снегом серебристым.
Веером снежинок
К солнцу прикоснется,
И весна капелью
Снова к нам вернется.

Осень

Закрутились листочки в трубочку,
Загрустили в печали осени,
Заиграла природа в дудочку
И листву резко наземь сбросила.
Улетели с ветвей обиженно,
Прижимаясь к стволу от холода.
Им казалось, что были унижены,
А когда-то ведь были молоды.
Их прикроет снежком, укутает,
Не видать больше света белого,
Но природа не перепутала,
Ведь зима свое дело сделала.

Дыхание зимы я слышу за спиной,
Она прохладой нежно обнимает.
С небес летит волшебною стеной
И белым пухом землю покрывает

Поднимет хлопья в небо ветерок,
Рассыплет белоснежные снежинки.
И этот нескончаемый поток
В волшебные сплетает паутинки.

Идет зима: то воеет, то поёт.
Устанет и на время затихает.
То снова заморозит, закуёт,
И до весны свои права качает.

Харламова Вера

Учитель музыки средней школы №1 Исилькуля. Родилась в 1969 году. Самодельный поэт и композитор. Выпустила четыре авторских концертных программы: «Лабиринт души моей» (1999), «Жизнь без смысла не бывает» (2004), «Всё ценится с годами» (2009), «Любить не перестану никогда» (2014).

Мой город

Слова и музыка В. Харламовой

Стоит городок неприметный в Сибири,
На карте России его не найдёшь.
Но, если бы тех, кто живёт здесь, спросили,
Что в нём дорогого? О чём ты поёшь?

То каждый ответил бы – родина наша!
Пусть малая часть, но она нам близка!
И каждый ответил бы – нет его краше,
И память о городе нам дорога!

Люблю тишину твоих улочек светлых
И шелест берёзок, и шум тополей.
Люблю я встречать рано утром рассветы,
Люблю уголок я Отчизны своей.

А сколько людей замечательных, славных,
Взрастила моя дорогая земля.
В их жизни останется город наш главным.
Гордимся тобой мы, ты – наша судьба!

И сотня лет, и тысяча пройдёт,
Но город будет наш расти и жить.
А наше поколение уйдёт,
Потомки будут город наш любить!

Розан Сергей

Родился в 1958 году в Омске в семье рабочих. Получив специальность электромонтера, работал на предприятиях города. Ныне пенсионер. Проживает в Комплексном центре социального обслуживания населения Исилькульского района. Принимает активное участие в волонтерском движении серебряного возраста «Открытые сердца». Активный участник художественной самодеятельности, пишет стихи и песни, имеет дипломы, грамоты, благодарственные письма за свое творчество. В 2018 году стал победителем конкурса «Социальная звезда».

Мой Исилькуль

Край ты мой чудесный, Исилькуль любимый,
Родились и выросли здесь все мои друзья.
Край, где всё мне дорого, ты – неповторимый,
И тому, что здесь живу, очень счастлив я.

Здесь живём мы дружно, все друг друга знаем,
Отдыхаем, трудимся - как одна семья.
Ведь зависит всё от нас, все мы понимаем,
Потому и дружба так для нас важна.

Заниматься спортом на стадионе нужно,
Детям и постарше, здоровье - не пустяк.
Чтобы люди знали, видели воочию
Каждый исилькулец - это здоровяк!

Все природу любят, зелень и цветочки,
Так давайте сделаем зелёным город свой!
Цветники и скверы, парковые зоны -
Будем мы гордиться, Исилькуль, тобой!

Свежим станет воздух, очищенный листвою,
Всем нам будет радостней в Исилькуле жить.
Всё мы можем, люди, и всего достигнем,
Если честью города будем дорожить!

Балдина Елена

Родилась в 1977 году. Председатель профкома МБОУ «Баррикадская СОШ». Стихи публиковались в газете «Знамя», в сборнике стихов профсоюзных педагогических работников Исилькуля.

Утро в деревне

Хорошо в деревне летом.
Каждый день встаешь с рассветом.
Начинаются заботы –
Сборы в школу, на работу.
Подоить коровок нужно
И на поле выгнать дружно.
Цыплят пшеницей накормить,
Телят обратом напоить.
Утки крикают в загоне,
В «плаванье» идти им вскорее.
В клетках «пяточки» кричат –
Детки кашу есть хотят.
А еще бы не забыть
Молочко мне пропустить,
Чтоб с утра моих любимых
Вкусным чаем напоить.
Вот и время пролетело,
Оглянуться не успела,
Как пора уж собираться
На работу отправляться.
Интересно стало вам?
Приезжайте в гости к нам!
Утром на заре проснетесь –
В жизнь деревни окунетесь!

Брейль Людмила

Пенсионерка, жительница села Аполлоновка. Родилась в 1949 году. Первые стихи появились на свет в начале шестидесятых годов. Тема краеведения, любви к родной природе, патриотизма прослеживается во всем творчестве.

Лесная сказка

Березовую рощу, словно в сказке,
Окутал иней белой бахромой.
А по дороге пронеслись салазки.
Вверху сияло небо синевой.
На повороте, будто вся из воска,
Сверкая в тёплых солнечных лучах,
Грустила одинокая берёзка
С пушистой белой шалью на плечах.

Гамбург (Дармешкина) Иветта

Жительница села Баррикада. Родилась в 1991 году. Стихи начала писать, учась в начальных классах школы. Окончила Омский Технический университет. Сейчас находится в отпуске по уходу за ребенком.

Колыбельная

Кроха, пора отдыхать,
День уж подходит к концу.
Сколько ты можешь играть.
Нейметя тебе, сорванцу!
Ложись, шалун, засыпай.
Глазки тихонько закрой.
О завтрашнем дне помечтай,
А потом заснешь, дорогой!
Пусть тебе снится страна,
Как в сказке, яркая, светлая,
Добра пусть будет полна,
Пусть будет она многоцветная!
Зверюшки и птички вокруг, -
Тебе все дарят улыбки.
Цветы там всегда цветут,
Пруды там, озёра с рыбками.
Ложись, малыш, засыпай!
Глазки тихонько закрой,
Мы все тебя любим, ты знай.
Ты знай: мы всегда с тобой!

Кислицина Нина

Пенсионерка. Родилась в 1955 году. Окончила Иртышскую среднюю школу, затем Училище связи, а позже Тюкалинское педучилище. Работала воспитателем в детском саду в Больших Уках. В Исилькуль переехала в 2000 году. Активная участница Народного хора ветеранов «Красная гвоздика», член студии художественного чтения «Голос времени», участница клуба «Заходите к нам на огонёк». Стихи пишет недавно.

Маме

Что ты плачешь, милая моя?
В чем душа твоя тревогу увидала?
Я вернусь в родимые края,
Если будет на чужбине места мало.
Там рябина под окном растет,
Ласточки в сарае гнезда строят.
Вдалеке там мамочка живет.
Милый образ душу беспокоит.
Поразъехались сыны и дочери,
Разбежались в разные края.
Ты смахни слезу свою платочком:
Я приеду, мамочка моя!
Шлепать буду босиком по лужам,
Снова бабочек сачком в саду ловить,
Кроме мамы мне никто не будет нужен.
Жаль... прошедших лет не возвратить.
Я сама уже седою стала,
На свиданья ходят мои внуки.
Жизнь бурлила или затихала,
Но всегда я помню мамы руки.
Как меня ты часто обнимала,
Вытирала нежно мои слезы,
Как слова надежды мне шептала,
Отводила от меня все грозы.
Что ты плачешь, милая моя?
Что, в душе твоей опять тревога?
Я вернусь в родимые края,
Даже если на чужбине места много!

Клевачёва Людмила

Пенсионерка, жительница села Медвежье. Родилась в 1945 году. Работая воспитателем детского сада, писала стихи и сценарии мероприятий для своих воспитанников. Сейчас пишет стихи для души.

И снова зима!.. Белоснежная сказка
Пушистым ковром застелила весь двор.
Дети катаются с горки в салазках,
За током стоит зачарованный бор.
Солнце сияет, сверкает в снежинках.
Тихо в лесу и пустынно в полях.
Тают снежинки на шубах в ворсинках,
Ухает филин эхом в лесах.
И снова зима!.. Белоснежная сказка
Все обновила: дороги, дома.
Искрой пробежала в душе, словно лаской,
И новым надеждам дорогу дала!

Королёва Нина

Родилась в Казахстане в 1965 году. Более 20 лет работает в Комплексном центре социального обслуживания населения Исилькульского района. Победитель конкурса «Социальная звезда», «Женщины Сибири». Семья награждена медалью «За любовь и верность». Стихи пишет давно, но только недавно решилась выносить их на суд читателей.

Край ты мой любимый

Край ты мой любимый,
Край ты мой хороший.
Исилькуль мой милый,
Дороже тебя нет.

Нет высоких гор здесь,
Нет и океанов.
И за что люблю я?
Кто мне даст ответ?

То ли за лесочки,
То ли за поляны,
На которых травы
И цветы растут?

То ли за осинки,
То ли за березки,
Что зимой и летом
В хоровод встают?

Может, за соседей,
Что живут здесь рядом
И всегда с улыбкой
Спросят, как дела?

А может за березку,
Что выросла в ограде
И прохладу дарит,
Стволиком бела?

Долго размышляла,
Почему люблю я
Милую сторонушку,
Родимую свою.

Видно, потому что
Счастье здесь нашла я,
Краю дорогому
Славу я пою!

Назаренко Наталья

Родилась в 1953 году на Украине. После переезда семьи в Россию училась в Исилькуле, в средней школе №1. Много лет работала в Исилькульском детском доме, потом в хирургическом отделении Центральной районной больницы. Стихи пишет с детства. В 90-х годах ее стихи печатались в газете «Знамя».

Иду не спеша. Очарована я
Дорогою вдаль уходящей.
Родная до боли сторонка моя,
Пою тебе гимн восходящий.
Берёзки и клены в хрустальном лесу,
И не подавить мне волненья.
Еще я зимою забыть не могу,
Как пахнут ромашки в цветенье.
В морозы хозяева здесь снегири.
Весной перелетные стаи,
Опять возвращаясь, до самой зари
Поют, в поднебесье порхая.
Как можно встревожить чудесную гладь,
Нарушив порядок природы.
Мне кажется, я могла всё б отдать
За каждый кусочек свободы.
За эти просторы, за детский покой,
За крепкий их сон на рассвете.
Коль надо, я стану защитной стеной
За то, дорожу чем на свете!

Отгинов Александр

Родился в 1960 году в Саргатском районе Омской области. Окончил Тарский ветеринарный техникум, получил специальность ветеринарного врача. Работал в Центральной России, Узбекистане. Ныне проживает в Комплексном центре социального обслуживания населения Исилькульского района. Стихи пишет со студенческой скамьи. Участвует в районных и областных конкурсах литературного творчества, поэтических фестивалях.

Моя страна – Россия

Поле васильковое,
Изумруд небес,
Солнечными бликами
Очарован лес.
На поляне густо
Земляничный цвет.
Белизною нежной
Всё зальет рассвет.
Край ты мой любимый!
Берёзок перезвон,
Трепещущих осинок
И ёлок сладкий сон...
Здесь степи бесконечны,
Здесь горы велики,
Рек быстрое течение
Питают родники.
А солнце на закате
Утонет в синь озер.
Вновь звёзд сиянье ляжет
Нам на вершины гор.
Сквозь горизонтов дали
Бескрайние пути.
С востока и на запад
Годами нам идти.

Но это все Россия,
Родная сторона.
Но это все Россия,
Любимая страна!

Павленко Наталья

Родилась в 1991 году. Детство и юность провела в Баррикаде. Писать стихи начала в школе. Окончила Омский технический университет. Сейчас учится в Юридической академии.

Частичка сердца

(отрывок)

...Сюда я всей душой
И мыслью каждой
Стремлюсь из разных уголков теперь.
Всё потому, что ближе нет и краше
Деревни милой и родной моей.
И хоть не встречу БАРРИКАДУ я на карте,
(Ведь городам большим там тоже тесно!),
Она навеки поселилась в миокарде,
В душе моей всегда отыщется ей место.

Прокопенко Анастасия

Родилась в 1997 году. Училась в Баррикадской средней школе. Стихи начала писать в школьном возрасте. Участвовала в различных литературных конкурсах. В данное время работает диспетчером центра по работе с железнодорожными станциями в Ханты-Мансийском АО.

Деревня милая моя,
Родная Баррикада.
Люблю твои леса, поля.
Другой мне и не надо.
Я очень дорожу тобой,
Ты лучшая на свете.
Тебя здесь любят всей душой
И взрослые, и дети.
Твоя лесная красота
В душе со мною рядом.
Поляны дивные твои
Окину своим взглядом.
Я верю, что пройдут года
И станешь ты богатой
И буду помнить я всегда,
Где родилась когда-то.

Тунгатова Алемгуль

Родилась в деревне Кудряевка в 2002 году, учащаяся Украинской средней общеобразовательной школы. Стихи пишет с детства. В 2018-2019 году под руководством учителя русского языка и литературы Подоляко Е.К. со своими стихами собственного сочинения приняла участие во многих конкурсах муниципального и регионального масштаба и была награждена грамотами и дипломами. С 2017 года является администратором сообщества «Блокнот» (в социальной сети ВКОНТАКТЕ) для самодельных авторов.

Колодец

Его копали всей деревней,
Чтобы века он послужил,
Чтоб старого и молодого
Своей водицей одарил.

Он сотворён из толстых брёвен,
А между ними мох пророс.
За много лет он стал неровен,
И веет с его дна мороз.

Там ржавчиною цепь покрылась,
А на цепи висит ведро,
В ведре водица притаилась,
Переливаясь серебром.

На тот колодец все ходили
За питьевой за водой,
Беседы часто заводили
О жизни сельской, трудовой.

Но разрушается деревня,
Людей всё тянет в города.
Судьба теперь его плачевна,
Ведь заросла к нему тропа.

Черноусова Галина

Родилась в Казахстане в 1986 году. После переезда семьи в Россию окончила 11 классов МОУ «Исилькульский общеобразовательный лицей», затем Омский Государственный университет Ф. М. Достоевского по специальности менеджер социально-культурной деятельности. С 2004 года работала в Кино-досуговом центре «Победа». В 2016 году пришла работать в Исилькульскую централизованную библиотечную систему. Стихи пишет с детства.

Наш городок

Наш городок на границе Сибири,
И во все времена его люди любили.
Исилькуль распростёрся на дальние дали,
И роднее его мы нигде не видали.
Берегите наш городок небольшой,
Может где-то невзрачный, но очень родной!
Прославляйте родные поля и сады, -
Нашу малую родину, вы ей очень нужны.

Шевченко Людмила

Родилась в 1977 году в Исилькуле. Стихи пишет со школьных лет. После окончания средней школы №2 поступила в Омский библиотечный колледж. В 1998 году её стихи были опубликованы в молодёжном сборнике «На первом дыхании», печаталась в газетах «Знамя», «Орион» (Исилькуль).

Украинка

Украинка – туманный Альбион!
Леса – под паутинною вуалью,
Сибирской наслаждаюсь далью,
Не слышен только колокольный звон.
Вокруг озёра, колочки, поля, -
Всё это наша русская земля.
Туманы словно в Англии далёкой,
Печаль летает чайкой одинокой.
Биг Бена нет, но вот уже петух
С усердьем улаждает слух.
Хоть и не виден Тауэрский мост,
И быт наш выстрадан и прост,
Зато повсюду слышен птичий гам.
Но не построен Божий храм.
И всё-таки надежда есть,
Что и до нас дойдёт благая весть,
Молитва выпорхнет в простор родной,
Не нужен Лондон нам чужой.
Туман рассеется, в душе растает мгла,
И ЗАЗВОНЯТ КОЛОКОЛА!

Гладенко Елена

Специалист по патриотическому воспитанию Дворца культуры имени В.В.Радула. Родилась в Исилюле в 1979 году. В 2009 окончила с красным дипломом Омский колледж культуры и искусства. С детства участвовала во всевозможных конкурсах чтецов, позже стала писать сама и участвовать в конкурсах как автор (лауреат 1-й и 2-й степени областных конкурсов чтецов и авторских произведений «Я вырываю слова из плена...» и др.)

Молитва матери

(отрывок)

...Я стояла молча над кроватью
И молилась только об одном,
Чтобы сон дочуркин сладкий
Не нарушил автоматов гром,
Чтоб прожить ей на земле подольше
И родить таких же, как она,
И чтоб никогда Анюта больше
Не увидела, что делает война.
И чтоб в мире стало зла поменьше,
Чтобы дети вырасти могли,
Чтоб враги не убивали женщин
И мужчины чтоб вернуться к нам смогли.
Дай ты жизни этой продолженье,
Господи, молю я, помоги!
И бои, великие сраженья
Умоляю, ты останови!..

Малькова Ольга

Родилась в 1960 году. В культуре Исилькульского района работает с 1983 года. В 2010 году организованной ею студией художественного чтения «Голос времени» было присвоено звание «Народный коллектив». Лауреат и Дипломант областных конкурсов «Земли Российской патриоты», «Соль земли Омской», «Литературная волна» и др. Как автор публиковалась в сборнике стихов самодеятельных поэтов Омской области «Не забудем подвиг твой, солдат...», журналах «Патриот Отечества», «Культура».

Четвёртое поколение

(Рассказ построен на реальных воспоминаниях мамы и бабушки автора)

О войне, блокадном Ленинграде, о голоде и хлебе я узнала еще ребенком от мамы. Ей было 12 лет, когда началась война. «Немец» не дошел до них три километра. Дед был машинистом тепловоза и погиб там же под Ленинградом, бабушка работала, и ходить за хлебом, выстаивая в любую погоду огромные очереди, было обязанностью мамы. Ей всегда хотелось, чтобы попалась горбушка. Когда начинался налёт, маленькая Аня как все, пряталась в бомбоубежище. Там, пристроившись в уголке, прижимала к себе хлеб. Она никогда его не кусала, а только отщипывала маленькими кусочками. Но часто случалось, что когда бомбежка заканчивалась, в руке оставалась лишь корочка. Но, дома её никогда не ругали – у бабушки она была одна.

Их вывезли из блокады «эшелоном на мясо». Были такие рейсы, когда никто не надеялся увидеть беженцев живыми. Но они прорвались. А когда блокаду сняли, сразу же вернулись. И опять голод... Не смертельный, но постоянный, неотвязный, изматывающий.

Маме было 15, когда она решила на отчаянный шаг. У финской границы, в пекарне, работала их бывшая соседка Наташа. Дом, в котором они жили, разбомбили в блокаду, но соседка выжила. Вот к этой Наташе зимой, когда было особенно голодно, мама и отправилась. Об этом пути можно написать отдельный

рассказ. Удивительно то, что дошла. В землянке было очень тепло, и Наташа сразу стала ее кормить. Мама всегда была маленькой, чуть выше метра пятидесяти, и худенькой. Жалостливые солдаты принесли ей котелок с кашей, что-то еще, а она ела и ела хлеб. Ела, а Наташа сидела рядом и плакала. Остатки хлеба Аня сложила в сумку, не слушая уговоров и убеждений, что хлеб есть еще, и повесила высоко на столб. Ночь она не спала (в землянке водились крысы). Не спала, не потому что боялась их нападения, а потому что замирала от ужаса при мысли, что они съедят ее хлеб.

...После войны мама прожила еще 50 лет. Бабушка чуть больше. К концу жизни они были совершенно слепыми. Но все в семье, даже маленькие, знали, что бабушкам нельзя давать хлеб, как всем. Если кусок был тонок, бабушка говорила: «Что, опять война началась?» или «Что, опять блокада?». И им всегда в семье отрезали кусок потолще. А мама иногда просила: «Дай мне, пожалуйста, кусок хлеба с солью и кипяточку». Тогда я думала: «Старческая блажь! Что, есть что ли нечего?!». Сейчас понимаю – это был не каприз.

У меня есть внук - Дима. Бабушкин праправнук. Этот рассказ я написала, когда ему было три года. Маленьким он очень любил хлеб. И, несмотря на все уговоры и запреты, ел его, как самостоятельное блюдо. И легко засыпал, зажав в кулачке кусочек хлеба. Ни конфету... ни пряник... ХЛЕБ!

Вот такая генетическая память. В четвертом поколении...

Михалёва Елена

Родилась в 1971 году в Омске. В Исилькуле окончила среднюю школу №3. После получения педагогического образования работала в школах нашего района, в знаменитых российских лагерях «Артек» и «Орлёнок». Все эти годы писала стихи и сценарии для себя и своих друзей. Печаталась в районной газете «Знамя».

Солдатский борщ

Она когда-то в ресторане,
В Ташкенте поваром была
И в день великих испытаний
В военкомат сама пришла.
Майор кричит: «Нет-нет, Тамара,
Нельзя тебе на фронт пока,
С твоим росточком в санитары?
Ты ж не поднимешь мужика!»
Девчонка маленького роста,
Такой шинельку не ищи,
Сказала военкому просто:
«Пойду на фронт варить борщи,
Солдатам тоже кушать надо,
Ты не смотри, что рост мой мал!»
Под девичьим суровым взглядом
Майор повестку подписал.
И всю войну- 4 года,
Как все, в огромных сапогах,
За Родину и для народа
Носила ведра на руках.
Раз после боя, сев на кочку,
Поел борща седой комбат
И закурил: «Спасибо, дочка,
За борщ тебе от всех ребят.
Я, между прочим, знаешь, Тома,
Давно такого не едал.
Как будто побывал я дома,
Как будто маму повидал.

Сварила борщ ты свой как надо...»
Она молчит и смотрит вдаль,
А на груди медаль «За Прагу» –
За всю войну одна медаль.
Сказал комбат: «Придет Победа,
И ты домой с войны придешь.
Я сам с войны к тебе приеду,
А ты свари мне, Тома, борщ...
И мы с борщом и черным хлебом
Нальем сто граммов под салют,
За Родину и за Победу,
И за ребят, что не придут...»

Новикова Ольга

Родилась в деревне Кудряевка в 2002 году, учащаяся Украинской средней общеобразовательной школы. Стихи пишет с 10 лет. В 2018-2019 году под руководством учителя русского языка и литературы Подоляко Е.К. со своими стихами собственного сочинения приняла участие во многих конкурсах муниципального и регионального масштаба и была награждена грамотами и дипломами.

Ветеранам Великой Отечественной

Страшные годы вы пережили:
Подвигом, честью посмертно служили.
Не зная ни страха, не зная преград,
Вы воевали за Ленинград.

Москва за спиной и сражение танков...
Хлеб и овсянка – на брата по банке.
Оружия мало: ружьё, пистолет...
Но вас не сломило, что выхода нет!

Сколько погибло! Но кто-то остался...
Только отряд до Смоленска добрался –
План на ходу... И- «Ни шагу назад!»
Снова свистит за снарядом снаряд...

Фронт сорок первого. Всем было тяжело.
Радость солдат – что в кармане есть фляжка.
Воду попив, продолжают бежать:
За мирное небо, погибших ребят!

Прошло много лет, как закончился ужас.
Враг, что напал, уж давно безоружен.
Спасибо за то, что мы мирно живем!
Спасибо за небо, спасибо за дом!

Удовиченко Екатерина

Родилась в 1957 году в Исилькуле. Окончила среднюю школу №4, Омский библиотечный техникум. Ветеран труда социальной службы. Активный читатель Центральной районной библиотеки и Городской библиотеки-филиала №1, член библиотечного клуба «Сударушка», участница и призер различных муниципальных конкурсов литературной и краеведческой направленности. Её статьи публикуются в газете «Знамя» с 1981 года.

Спасибо вам, безвестные солдаты!

*А я хочу сказать о неоплаканных,
Что до сих пор без почестей и славы
Лежат в болотах, у дорог накатанных,
Безвестные сыны своей державы.
Лежат они, в боях достойно павшие
Уже давно законченной войны,
А по бумагам – без вести пропавшие,
Как будто виноваты без вины.*

Эти поэтические строки и о моем дяде – Егоре Александровиче Беляеве, пропавшем без вести на фронтах войны.

Егор родился в 2017 году в Крутинском районе Омской области. Пахал землю вместе с батей, Александром Николаевичем, пас скотину, работал на сенокосе. Очень хотелось научиться играть на гармошке деревенскому парнишке. И научился ведь! Перенимал мелодии у гармонистов, брал на слух. И стал Гоша играть на деревенских свадьбах и вечерках. Играл весело, с припевками:

Девчонки любили меня
По вечеркам водили меня,
Девчонки не стали любить,
По вечеркам не стали водить.

Больше всех нравилась его игра маме, Екатерине Михайловне. И малый старался переиграть старшего брата Вениамина, ведь и он был гармонистом.

Потом кончилась деревенская жизнь. Всей семьей решили перебраться ближе к железной дороге, выбрали станцию Исилькуль. Приехали в Исилькуль в 1936 году, а в 1937-м призвали Егора в армию. Служил в Находке. Нашлась там работа, остался после армии.

1941 год. Везут рядового Беляева через станцию Исилькуль, где проживают мама и две сестры, Евдокия и Нина, с племянницами. По закону военного времени уйти самому из военного эшелона – дезертирство. Егор это понимал, а своих родных увидеть все равно хочется, кто знает, когда еще придётся встретиться. Обратился к командиру: «Лейтенант, ты тоже человек! Здесь моя мама живет, две сестры. Дозволь повидаться». Время стоянки эшелона, видно, позволяло сделать это. Молодой лейтенант побежал вместе с Егором. Недолгой была последняя встреча, но радостной. Положила маменька в сумку молока три бутылки, пирогов побольше, сметаны, творогу, яиц, чтобы угостил своих товарищей. Бегом побежали провожать его на станцию. Всех расцеловал на прощание Егор Александрович. Раздалась команда: «По вагонам!» Заскочил Егор на подножку: «Мама, я вернусь! Сестренки, еще на свадьбе у меня погуляем!» Рад был, что увидел своих родных...

В апреле 1942 года пришла официальная бумага, в которой сообщалось: «Рядовой 22 СП Беляев Егор Александрович пропал без вести». Много слёз пролили мама и сёстры Егора, ведь список потерь этим не закончился. В том же 1942-м на Украине погиб Вениамин Беляев, о чем Егор так и не узнал. Осталась вдовой сестра Евдокия, получившая похоронку на мужа, Григория Тарасовича Лапа, погибшего в феврале 1942 года.

Бабушка наша, Екатерина Михайловна Беляева, умерла в 1970 году. Помню, только стукнет кто в окно, а она: «Наверно, Гоша мой приехал!» До самой смерти так и не поверила, что сына нет в живых. Но не спасла ни Егора, ни Вениамина горячая материнская молитва...

На стене у памятника Воину-освободителю в Исилькуле золотом написаны фамилии солдат, не вернувшихся с войны. Третий ряд сверху – Беляев Егор Александрович, мой дядя по маме. Я часто прихожу к памятнику, мысленно разговариваю с дядей Егором. Встречаюсь с ним и на День Победы.

А в нашей родне растёт маленький Егорка – Егор Артемьевич. Жизнь продолжается!

*...Проходят годы, но приходят даты.
Над подвигами времена не властны.
Спасибо вам, безвестные солдаты,
За этот мир, огромный и прекрасный!*

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел «Проза»	5
Дрыга Алексей.....	6
Главы из повести « Земля зовёт».....	6
Бородин Александр.....	25
Пирогы.....	25
Плеть.....	28
«Лучить» рыбу.....	35
Попова Нина «Анастасия».....	39
Иванова Светлана «Волшебное озеро Эбейты».....	41
Раздел «Поэзия»	45
Васильев Сергей.....	46
Крюкова Мария.....	48
Махватов Владимир.....	50
Михалёва Елена.....	54
Попова Нина.....	58
Стаценко Валентина.....	60
Раздел «Одно стихотворение из многих»	62
Харламова Вера.....	63
Розан Сергей.....	64
Балдина Елена.....	66
Брейль Людмила.....	67
Гамбург (Дармешкина) Иветта.....	68
Кислицина Нина.....	69
Клевачёва Людмила.....	70
Королёва Нина.....	71
Назаренко Наталья.....	73
Оттинов Александр.....	74
Павленко Наталья.....	76
Прокопенко Анастасия.....	77
Тунгатова Алемгуль.....	78
Черноусова Галина.....	79
Шевченко Людмила.....	80
Раздел «Мы помним!»	81
Гладенко Елена.....	82
Малькова Ольга.....	83
Михалёва Елена.....	85
Новикова Ольга.....	87
Удовиченко Екатерина.....	88

Ответственный за выпуск: Ледовских Н. А.
Редактор: Тарасова С. В.
Полиграфическое исполнение: Кузнецова Ж. Г.

Тираж 100 экз.

Печать оперативная
БУ «Редакция газеты «Знамя»,
646024, Омская область, г. Исилькуль,
ул. Коммунистическая, 12.

